

Олег Янков

ТУМАН

книга третья

Олег Янков

Туман. Книга третья

«Издательские решения»

Ярков О.

Туман. Книга третья / О. Ярков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907746-2

Наши знания о Земле и о природе не есть таковыми, кои донесены до нас неизвестными учёными, а суть таковы, каковы получены нами самими в момент общения и с Землёю, и с природою.

ISBN 978-5-44-907746-2

© Ярков О.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ТУМАН	13
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	14
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ	22
ГЛАВА ТРЕТІЯ	22
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ	28
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	28
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ	36
ГЛАВА ПЯТАЯ	36
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Туман

Книга третья

Олег Ярков

© Олег Ярков, 2018

ISBN 978-5-4490-7746-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СПОКОЙНОЕ НАЧАЛО.

Вот что такое «время»? Это, пожалуй, единственное мерило нашей жизни, которое, ровным счётом, не имеет никакой вещественности. Супротив ему все иные мерила, и определятельные величины обладают тем свойством явственности, которые возможно потрогать, увидеть и реально соизмерить с предметом, насущная надобность измерить который, появилась у человека. Нет, разумеется, не все мерила, сущие на Земле, можно осязать, однако все они доступны явному представлению и оттого – пониманию. Скажем такое, кто видел наяву арифметическое действие присовокупление? А отнимание? Найдётся ли таковой некто, кто их трогал перстами, либо вдыхал его ароматы? Никто, доложу я вам! Но, напротив, никем не ощущаемое присовокупление довольно легко понимаемо и уж никогда более, для ознакомленного с ним, не есть чем-то неопределённым. Вот-вот, именно, для ознакомленного с ним! А кто из сущих людей обладает таковым талантом, дабы смочь ознакомить другого с сутью понятия «время»? С его свойствами и... что там может быть ещё у этого времени? Вот вам и здравствуйте! Даже придумать простейшее определение времени нет никакой возможности. Нет, разумеется, возможно согласиться с туманно-философским высказыванием какого-нибудь Спинозы, говорящего, что время есть бытие от рождение до погоста, от замысла до деяния и что-то там ещё такое же маловразумительное. Хотя, подобную ересь, этот самый Спиноза мог бы и не говорить, такое и я могу сказать. Но, в купе с остальным, время, таки, имеет свои не прямоуказательные приметы. К примеру, я бы определил текущее время, как мерило возмужания и, что несомненно хуже, старения. Определил бы, как мерило забывчивости, либо отстранённости от прошлых обид и, а сожалению, прошлых радостей. Определил бы, как прогресс в лечении душевной скорби. А что? Стало легче на душе – прошло довольно времени, всё ещё терзается душа – прошёл миг. А ещё определил бы, как способ развлечься в том разе, когда приспичила надобность заниматься унылым делом. Можно окунуться в своё прошлое и постараться вновь пережить некие моменты, трогательные и весёлые, трагические и приклю-

ченческие. Любые. Вот, к примеру... да, хоть взять ту прогулку на «ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ...» прошлым летом. Сколько всего приключилось! А сколько хороших и благородных людей довелось увидеть! Хоть тот матрос, который так резво отвечал о месте нахождения холодильного отсека. А Яков? Ах, бедный, бедный... вот уж действительно, живота своего не жалел для общего дела. Поди ж ты, и глаза лишился, и шрамом обзавёлся на лице похлеще моего. Где ты сейчас, Яков? Здоров ли? Дай ему, Боже, избавления от хворей телесных и заживления ран! Да-а, славное было приключенье! Так ловко провести вокруг пальца ту зловредную банду с их главарём! Гла-ва-рём... а кто главарь-то?

Кирилла Антонович резко остановился, опустил... нет, почти уронил лейку с водой на землю и распрямился. Да так, что и замер.

О! Простите, простите!!! Я же, перескакивая от одного к иному и вовсе позабыл дать точное начало событий того самого июльского дня, с которого и началась наша история. Ну, пусть и не наша, а Кириллы Антоновича и Модеста Павловича. Приношу свои извинения, и сей же час исправляюсь!

Утро того дня было обычным утром, которое неизбежно наступало после ночной тьмы, и пробуждало Тамбовского помещика из дворян Ляцких Кириллу Антоновича.

Привычный утренний моцион, завтрак, старательное потягивание, чашка ароматного кофе и выкуренная трубка – вот тот набор ежедневностей, к которому так привык помещик, и которыми так дорожил.

Весь дворовый люд в то самое утро был также занят своими ежедневностями, на одну из которых и обратил свой пристально-философский взор Кирилла Антонович. А именно вот на что.

Кухарка Циклида, пышнотелая и исключительно добрая женщина, поливала из латунной лейки гряды с петрушкой и перцем. Делала она сие сосредоточенно и молчаливо. Её сын, исчадие пожарной сирены и юлы, носился по двору, распугивая пролетающих высоко в небе птиц своим криком.

Этому малолетнему прохвосту шёл уж восьмой год, однако взросления, либо остепенения, не наступало никак. Помещик почти привык к поведению Прошки, и никак не сердчал на сие громогласное человеческое дитя.

Кухарка, повинувшись каким-то своим сугубо внутренним часам, оставила лейку и, сказав, что ей надобно что-то помешать на плите, велела сыну закончить полив.

Прошка тут же согласился, и ухватился за ручку лейки.

В этот же миг стряслось разительное в природе. И во всей вселенной. Прошка замолк. Он сосредоточенно поливал гряды, а его малолетние глаза, затуманенные философским налётом, были полны какой-то мудрости.

Эта перемена общечеловеческого масштаба и привлекла внимание Кириллы Антоновича. Что такого происходит с людьми, когда они при помощи латунной лейки орошают землю водой? Какие глубокие и философские тайны им открываются, едва они прикасаются к лейке?

Для натурально живого естествоиспытателя, коим, без всякого сомнения и был Кирилла Антонович, важнейшим в жизни был личный опыт, каких бы сторон человеческого бытия он не касался.

Вот и сейчас, решив проверить на себе действие латунной лейки в момент полива гряды с перцем, помещик, мало того, что едва ли не строевым шагом, а очень целенаправленно направился напрямиком в огород.

– А ну, Прошка, дай-ка мне лейку! – Сказал Кирилла Антонович.

Мальчишка быстро зачерпнул воду из громадной бочки, спустился с подставки (иначе до воды он никак не дотянулся бы) и поставил оную около ног помещика.

Кирилла Антонович приступил к орошению.

В ту же долю секунды мир был пронзён криком охломона Прошки, а на помещика невероятным грузом навалилось размышление о сути времени.

Вывод, который напрашивался сам собой, был прост и гениален – вся мудрость человеческая проявляется лишь в момент работы. А особенно в момент полива грядок из латунной лейки.

Теперь же я возвращусь к тому самому месту, где пришлось прервать повествование своими извинениями, а именно – к неожиданному вопросу Кириллы Антоновича к самому себе о том, кто же руководил всей бандой и тем мерзким убийцей с ярко произносимой буквицей «Ч».

– Не стоило бросать лейку, Кирилла Антонович, я всё видел! Что это вас к земле потянуло?

Чей это был голос, выражаю надежду, нет надобности говорить? Вот и славно! Как возможно не узнать голос Модеста Павловича?

В обычное время (вот, сами видите, как безмерное и неопределяемое понятие «время» само по себе бездумно протискивается в нашу речь. Это, как мы теперь понимаем, от привычки так говорить, а не от понимания сути произносимого слова) помещик был бы очень рад видеть дорогого друга, но не сейчас. Заданный себе вопрос непостижимым манером лишил его былой чувственности.

– Да-да... к земле... Здравствуйте, дорогой мой! Господи, это исчадие умеет молчать? Прош... – крикнул было со всей суровостью в голосе Кириллы Антонович, однако передумал, вспомнив недавнее умозаключение.

– Прошка! – Совершенно ровным голосом сказал помещик, – ступай сюда и закончи полив. Поливай основательно! Слыхал, что я сказал?

Едва мальчишеская рука соприкоснулась с ручкой лейки, мир снова рухнул в тишину.

– Замечательная дрессировка! А вы уж придумали, как будете заставлять его умолкать зимою?

– Зимою и придумаю. Сейчас я занят размышлением об ином. А давайте пойдём к столу? Я попрошу Циклиду подать нам чаю. Идёмте!

Уже знакомая нам веранда, с накрытым столом и ароматом снеди, как-то по-дружески обняла друзей за плечи и усадила в уютные плетёные кресла.

– Итак, мой друг, у нас...

– Погодите-погодите, Модест Павлович, погодите! Представьте, лишь минуту назад я нежданно подумал, что мы совершенно не ведаем, чем же в действительности завершилось то дело на «Великой княгине...». Нет, разумеется, я там присутствовал и сам, в некотором роде, имею непосредственное отношение к финалу той драмы. Однако совершеннейшим образом не представляю, кто был главарём той шайки на пароходе? Кто был тем самым злым гением, который...

– Арго. Леон Арго. Простите, что прервал вас, иначе неиссякаемый набор эпитетов, который у вас всегда в запасе, не закончится и к утру.

– А... откуда вы... а я...

– Сказал господин Толмачёв. В вашем же присутствии. Отчего вы позабыли? Очень уж кровавый случился финал, это вы помните? Видимо, переживания двухчасовой давности были ещё сильны при разговоре с советником, оттого не всё и запомнилось. Правда, господин советник сказал ещё кое-что. Он сказал, что этот Арго был, как вы выразились, главарём шайки, но на пароходе. А о самом главном злодее он пообещал вернуться в разговоре при следующей встрече. Ответ вами получен? Вы удовлетворены?

– Да... но... я действительно ничего из сказанного вами не помню. Решительно ничего.

– Вы сомневаетесь в правдивости моих слов?

– Нет, нет, что вы! Это память... вернее... это я сомневаюсь в крепости своей памяти. Да, уж, время – мерило забывчивости.

– Вы о чём? Да, что сегодня с вами? Решили потрудиться в огороде, говорите загадками... Что с вами?

– Ровным счётом ничего. Ни-че-го! – Сказал Кирилл Антонович и, враз принял одному ему ведомое решение, хлопнул обеими ладошками по столу. – Ну-тес, господин Модестушка, что у вас приключилось такого, что вы отменили поездку в Рязань-матушку? Или новость приключилась знатная? Ну, полно-полно, мой друг, со мною всё в порядке! Немного обида поедает на самого себя за подобную забывчивость об важном моменте. И то, самую малость. А теперь – всё! Теперь я всецело тот самый Кирилл Антонович, которого вы знали. Так, что за новость у вас? А-а, вот и чай! Благодарствую, Циклида! Модест Павлович, может винца? С таким отступлением от начала разговора, сдаётся мне, что ваша новость не о переменчивости погоды.

– Пожалуй, Кирилл Антонович, винца стоило бы испить.

Циклида, по своей женской природе, была женщиной не токмо доброй, но и весьма разумной. Оттого, увидав приехавшего штабс-капитана и быстро приключившуюся в мире тишину сообразила, что друзьям предстоит беседа не из пустяшных. А посему и винцо, и закуски разные были уж приготовлены. И, без напоминания, выставлены на стол.

– Вот отобью я у вас Циклиду, ей-ей отобью! И женюсь на ней! И что с того, что она с мальцом? Обучу его военному делу, а сам стану наслаждаться её стряпнёй. Пойдёшь за меня, Циклида?

– Вы балагур, Модест Павлович, каких ещё поискать надобно, – прикрывая ладошками порозовевшие щёки, проворковала кухарка и вышла прочь.

Разговор друзей за столом ещё немного покругил бесцельно и, дождавшись выпитого винца за второй тост, начал приобретать деловой характер.

– Итак, Модест Павлович, что вы привезли из новостей?

– Да-с, привёз. Извольте видеть, дорогой друг, не далее, как сегодня поутру, прибыл ко мне гость. И откуда? Из вологодской губернии, представляете?

– Ну-ну?

– Это старец, годков, эдак, в шесть десятков. Благообразный, борода ухожена старательно, а руки мозолистые. Натурально, я его принял, угостил чаем, а от еды он отказался.

– Модест Павлович, не томите, – проговорил помещик и заёрзал на плетёном кресле, устраиваясь половчее, – чай, борода, мозоли – он не для показа своей самобытности прибыл за тыщу вёрст?

– Верно, не для показа. А налейте-ка нам ещё по фужеру! Отменное винцо, отменное!

– Вы старательно оттягиваете начало рассказа. Интригуете? Уверяю вас, с этим вы справились на «отменно»!

– То, что он мне коротко поведал, вовсе не интрига. Я никогда не счёл бы сколь-нибудь правдивым, и имеющим толику достоверности в услышанном, кабы не были у меня столь свежи воспоминания об том тумане. И о бессарабах, пропади они пропадом... Одним словом я не решился принять на веру его рассказ, и не решился отправить его восвояси. И не отважился привести его к вам без такой вот предупредительной беседы. Каков будет ваш респонс?

– Прощка! Прощка! Вот чертёнок, поливом увлётся. Ступай сюда немедля! Тебя не остави, так ты второй всемирный потоп устроишь! Ступай, слышь, к конюху. Да-да, к Захару. Ступину, да... именно... да... да, не перебивай!

На пороге веранды показалась Циклида, отвлётываясь от своих кухарских дел громким голосом помещика. Очень скоро поняв, в чём суть происходящего, она окликнула сына и показала ему раскрытую ладошку. Да, именно, ту самую ладошку, которая умеет готовить замеча-

тельные закуски и отвечает звончайшие затрещины своему громогласному сыну. С обеими заботами ладошка, как вы изволите видеть, управлялась преотменно.

Прошка смолк на полуслове, превратившись в доброе и смиренное чадо.

– Благодарю, Циклида! Ступай к Захару и передай мой наказ – стрелю мчать в имение их благородия, – тут перст, намеревавшийся указать на штабс-капитана, упёрся в резной бок бокала, который Модест Павлович протягивал помещику в ту самую минуту. – О... да... простите... благодарю. Да, так вот, стрелой в имение и доставить сюда бородастого старца, прибывшего нынче утром. Отправишься с конюхом сам и лично проследишь за всем. По возвращении сделаешь мне доклад. Хотя, нет, докладывать – не стоит. Нет! Не так! Докладывать не смей! Молча препроводишь старца к веранде. Сполняй!

Прошка, услышав, что ему доверено такое важнейшее задание, вытянулся по-военному, стукнул босыми пятками и, странное дело, молча отправился к конюху.

– За что вы так обошлись с Захаром, Кирилла Антонович? Уморит малец конюха, в конец уморит.

– А он, стервец, из-за женитьбы племянника, позабыл подковать двух жеребцов. Теперь ему наука будет. Женитьба – дело хорошее, а за конями приглядывать надобно. Вы, мой друг, хоть намёком, хоть словечком обмолвились бы, что такого приключилось в Вологде?

– Из-за опаски спутать рассказ – повременю. Вам же интересней станет. Не наполнить ли нам фужеры?

– А отчего им пустыми-то простаивать? Наполняйте! Циклида! – Помещик позвал кухарку и объявил ей, не всей ей, а токмо ея голове, разумеется, показавшейся в дверном проёме, – голубушка, изволь доставить ещё один прибор. И закусок доставь. Гость к нам едет. И фужер не забудь!

Кухарка кивнула, а сама уж начала кумекать – ежели эти посиделки завешаться как в прошлый раз, куда ж ей относить третьего? Не в чулан же.

Ещё не сложилось в судьбе второй бутылки вина стать испитой, как возвратился Захар, отосланный за странником в имение штабс-капитана.

Первым к веранде, аки ураган, примчался Прошка, и проявил невиданные доселе чудеса благовоспитанности. Слегка наклонив голову в поклоне и оттопырив левую руку в сторону подкатывавшей пролётки, изрёк.

– Доставлено.

Затем, ещё раз церемонно поклонившись, он издал победный вопль пещерного охотника и унёсся за дом.

– А какие у вас дела были в Рязани, Модест Павлович? Может, отправить замест вас Прошку? Исполнительность у него наблюдается.

– Отчего же не отправить? Но пешком, непременно пешком в обе стороны!

– Согласен!

Друзья рассмеялись, а у веранды уж остановилась пролётка. Из неё неспешно, но и безо всякого кряхтения, вылез мужик.

Длинный чёрный суконный зипун был оторочен белой каймой по полу, бортам и вороту. Выглядывавшие понизу полосатые штаны были заправлены в короткие запylённые сапоги. На голове красовался картуз, который в обычай носили деповские мастеровые. Борода, Модест Павлович не обманулся, выглядела ухоженной, даже холёной. Седые волосы головы острижены у самих плеч.

Ступив на землю, мужик цепко, но без нахальства, оглядел двор, видневшийся политый огород, сам дом и веранду. Остановив взгляд на сидящих за столом, снял картуз, поклонился и сказал.

– Желаю здравствовать, господа хорошие!

Ожидаемого «оканья» в его словах не было.

– И тебе здравствовать, – ответствовал на правах хозяина Кирилл Антонович. – Как тебя кличут?

– Никифором, сыном Авдея.

– Ага. А зовут как?

– Зарецкие мы.

– Вот и славно, Никифор Авдеевич. Вот что, гость дорогой, иди-ка сюда, на веранду. Садись к нам за стол, откушай, да поговорим.

Сделав пару шагов опосля слов «Вот и славно», мужик остановился, когда услышал предложение присесть к столу.

– Негоже нам за столом с дворянами сживатьь.

– Потрудитесь запомнить, – звонко, как по армейскому заговорил Модест Павлович, – мы, прежде всего, русские люди, а дворяне мы после всего остального. Иль обидеть вознамерился?

– Не стану я вас обижать, – буркнул себе под нос Никифор, – коли и вы нам обиды не причините.

Сняв зипун на перила веранды, мужик присел к столу.

Тот час появилась Циклида, любопытная женщина, которую никто не кликал. Она положила еды в тарелку гостю, подвинула вилку и нож а, подумав, и ложку.

– Благодарствую, цветочная женщина.

– Откуда ведаешь, что цветочная? Её имя Циклида.

– Прощка сказал.

– Следовало бы догадаться. Выпьешь винца, Никифор Авдеевич?

– Нет, благодарствую, вина не пьём.

– Это Герасимцы, старообрядцы, долетел из кухни голос кухарки, – я ему травки заварю.

– Откуда про такое ведаешь? – как-то быстро освоившись, спросил гость.

– Зипун так оторочен. Мой тятенька из ваших краёв был.

Никифор Авдеевич кивнул, то ли на слова Циклиды, то ли на свои мысли, и принялся кушать.

Ел он много и основательно, словно старался наесть на всю обратную дорогу домой. Друзья его не отвлекали вопросами, и не торопили.

Вот, наконец, облизав ложку, отодвинув тарелку и очистив усы и бороду, гость вздохнул сыто и довольно. Затем встал, что-то пробубнил, снова поправляя усы и бороду. Закончив, вероятно, молитву (как подумалось Кириллу Антоновичу), Никифор Авдеевич поклонился и сел на прежнее место.

Теперь он ожидал вопросов, либо позволения говорить.

– Что привело тебя к нам?

– Беда.

Высоко подняв брови над многое выдавшими глазами, и сотворив удивление всем своим обликом, Кирилл Антонович попросил продолжить.

– Рассказ мой станет долгим, будет ли у вас терпения?

– Вы, извиняюсь, договорились с Модестом Павловичем изводить меня сегодня долгими вступлениями с интригой? У нас довольно всего! Начинай уж говорить!

– Наше поселение зовётся Ведищевский Лог. Начальство наше, как и управа, обретаются в Верховажском Посаде. Это, почитай, в двадцати верстах по старому почтовому тракту в Петербург, и малость в сторону от Петербургской дороги по Яносарке. Это такая простенькая дорога от имения Погорелово. Само имение уж плохонькое, усадьба в печальном состоянии, однако наше поселение Господь бережёт за веру нашу и молитвенное служение. Ваша кухарка истинно сказала, что именуют нас Герасимцами, от почитаемого нами Герасима, чудотворца Вологодского. Тем и живём. А правильно молвить надобно – жили. А теперь, без околечностей,

о беде. Без малого два годка проходит, как преставился наш кузнец Прокопий, человек Богобоязненный и работник справный. Оставил, опосля себя, вдовицей жену свою Ольгу. Женщина она добрая, хоть и увечная. За год до преставления Прокопия появились охотники из губернии. Вот они по пьяному делу-то и стали палить, куда глаз глянет. А она, Ольга-то... одним словом, отстрелили ей правицу напрочь. Да... Такие дела. Ещё остался сиротиной сын кузнеца, Мишутка, отрок пятнадцати годков. Мальчонка хваткий, нраву покладистого. И ведь никто ничего не замечал-то, опосля погребения, просто продолжали жить. Это я об возрастных жителях нашего Лога. А малыцы-то первыми про всё прознали, только держали промеж себя молчок. А когда уж и мы, старшие, прознали, так опоздание праздновать довелось. А то было не опоздание, то была беда.

Оказалось, что с самого начала повествования, Циклида тоже вышла на веранду и, прислонясь к стеночке, слушала уж особенно внимательно. Так внимательно, что позабыла поставить перед гостем чай, заваренный на травках.

– Это мне? – Спросил Никифор Авдеевич?

– Ой, заслушалась я, тебе, тебе! На здоровьице!

– Благодарю, цветочная женщина! – Сделав три глотка, гость отставил чашку и продолжил.

– Когда Прокопий, кузнец то бишь, удумал делом заняться, он выстроил себе новую кузню. Другую. А ту, что была ранее, обходил десятой дорогой. И всем своим домочадцам велел делать то самое – не ступать и ногой в ту кузню, и глазом в ея сторону не рыскать. Молвил, что проклята она страшным проклятием. Видать, так оно и было.

ТУМАН

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРАШНЫЙ РАССКАЗ.

– Тот, иной кузнец, что до Прокопия был, тайком в лесу на шею петлю накиннул. Никто не ведаёт, отчего. Сыскали только по осени, хотя запропастился он ещё весной. Сгнила его шея и отпала от петли, а висеть осталась токмо его голова глупая. Да с открытыми глазами, что тарачились, в аккурат, на кузню. Да... И стал у нас новый кузнец, да кузня новая, а жизнь-то покатила по-старому. А опосля Прокопия-то, мы всем поселением вдовице помогали, а малец никому хлопот не доставлял. Ровно до той поры, как случился спор промеж однолеток – кто из их ватаги без опаски и среди ночи сходит в старую кузню, да проведёт там цельный час без лучины. Храбрецов сходить, видать, было много, а смелым оказался Мишутка. Он и отправился в ту кузню. В ту ночь, как назло, разошлась гроза. Молнии так и сверкали, так и сверкали... А одна молния, словно по надобности злонамеренной, ударила по кузне, и в тот самый миг, как опосля говорили Мишуткины одногодки, в окошке засветилась свеча. Сами-то мальцы, в ту ночь грозовую, пролежали в кустах за околицей чтобы, значит, судить правильность спора. А увидев свет свечки, так со страху и не двинулись до самой утренней зорьки. Да... Мишутка и сам из кузни вышел на рассвете. Само собой, спор-то он выдюжил. Однако проиграл во всём остальном. Да и седым за ту ночь стал, аки лунь.

Никифор Авдеевич поправил усы и пригладил бороду. Был ли, для него, сей рассказ тягостным воспоминанием? Кто про то ведать может? Только Кирилле Антоновичу подумалось, что во всём, о чём поведал Вологодский старик и в том, о чём ещё ему предстояло рассказать, винил он себя. И крепко.

– Далее началось странное. Мишутка перестал быть Мишуткой. Он всё более молчал, а уж коли говорить принимался, то, скорее, пророчествовал. Примеров тому не счесть. Он знал всё и обо всех – у кого корова отбилась от стада и где её сыскать. Знал, что у кого и отчего хворь приключилась и чем от него избавиться. Сыскать мог любую потерянную вещицу, мог помощь дать при тяжёлом разрешении от бремени, указывал, какова случится погода в предстоящий день, говорил и про то, когда нагрянут землеустроительные инженера. Он знал всё. Ему уж начали верить бездумно. Верить так сильно, что зачастую его и побаивались, а иногда и сторонились. Началось роптание посреди народу. А старики нашенские, стали в точности подмечать всё сказанное, либо проделанное Мишуткой. И вот какую каверзу открыли – любое дело Мишуткино, хоть избавление от недуга, хоть находка какая, хоть подсказка для кого-то, оборачивалась к скорой утрате, а то и вовсе к горю, для кого-то иного из односельцев. Тут он творит добро, а в следующий час у кого-то случается беда. Бывало и такое, что скорое избавление от хвори у одного, приводило к гибели иного. Понятно ли я говорю? Мудрые наши старики про то так сказывали – для того, чтобы одному дать что-то надобное, Мишутка у иного сие надобное отнимал, не ведая до самого доньшка, что творит. Как нам следовало поступить касаясь мальчика пятнадцать годков? Уж он боле не дитя неразумное, да и не мужик. Мать его была в растерянности не меньше нашего. Мишутка и по дому помогал, и хозяйство держал, дерзости какой либо ослушания, как у его однолеток, так такого не случалось. Но и прежним Мишуткой более он был. Он и понятия такого не имел, либо не хотел иметь понятия о том, что его добро для одного приносило горе другому. Я...

Тут Никифор Авдеевич смолк и поёжился, а внимавшие ему друзья приготовили услышать ещё более необычное.

– Пытался и я беседу с ним завести, да всё без толку. Он так ловко уходил от ответов, и так подковыристо задавал свои вопросы, что начинало чудиться, будто бы я чиню злобные придирки. Тут, ведь как? Тут всякое могло стать – то, что мы считали, что чьё-то горе, свершившееся опосля сотворённого им добра, могло всё едино стать, и оно, горе, могло и не быть привязанным к иному деянию. Да, так мы про меж собой и говорили, но верить в то не доставало сил. Да... А вскоре добрые языки разнесли весть про нового чудотворца. Разнесли и до губернии, и до самой столицы. И повалили, в наш Ведищевский Лог, жаждущие до чуда, и алчущие предсказаний. Кого только на нашу голову не приносило! И чинные офицеры, и бездомные, и купцы, и купчихи в каретах да с собачкою, высокие чиновники и люд рабочий... кто только не приезжал и не приходил! То было сущее светопреставление! А уезжали, опосля встречи с ним так, словно у них крылья повыврастали. Только кого из них заботило, что на каждое полученное ими счастье, наши односельцы получали своё горе. Вот уж истинно – око за око, радость за беду. Мои земляки уж со страхом ожидали, кого на сей раз поразит беда опосля отъезда нового просителя? И что мы могли сделать с Мишуткой? Изгнать его? Прибить? Либо уговориться с ним, что он более никому помогать не станет? Что? Сам и отвечу – ничего. А всё оттого, что стали мы все бояться его. Каждодневные молитвы об избавлении и заступничестве словно и не были услышаны. А Мишутка всё так же помогал просящим, отдавая бедным и многодетным почти всё, что обретал в дар за свои... дела. А мы в каждой избе ожидали новой беды. И боялись.

– А осмелюсь спросить, – откашлявшись, промолвил Модест Павлович, – у вас и неожиданные смерти бывали?

– Для человека, в коем нет Бога, смерть завсегда неожиданна. И..., – тут мужик снова поправил усы с бородою, о чём-то пошептал и продолжил, – тут понять надобно. С одного боку, когда отжитые года становятся обузой для тела, то приход последнего часа есть волей Божьей. А с другого, когда муж молодых лет валится наземь бездыханным, хоть до того был в бодрости, то сие... грех, конечно, такое говорить, но уж очень много односельцев ушло в последний путь безо всякой на то причины. И таковых будет аж до пяти с половиной десятков со ста двух дворов.

– Получается, вы просто ожидали, кто следующим отправится на погост? Получается, что любой встречный вмиг мог стать покойником? Получается....

– Получается, что мы боялись.

– Всё одно не пойму, вы ежедневно боялись потерять что-то, кого-то а, глядишь, и самого себя, но при том, вы ещё и боялись что-то сделать? Чего же вы боялись в другом случае?

– Не ведали мы, что он может сотворить для всех сразу односельцев. Уразумейте, что беда с одним человеком запросто порождает мысль у иного, мол, слава Богу, меня пронесло! И Бог даст, пронесёт сызнова. А те, кому Мишуткины блага достались, и вовсе понимать ничего не хотели. Дальше своего носа не видели ничего. Как было возможно среди таковых людей искать себе товарищей для дела избавления Лога от Мишутки? Это разговор дело простецкое, а поднять человека на подвиг иногда и вовсе невозможно. А в одиночестве, да супротив ветра.... Да.... Я уж упоминал, что весть про нового Вологодского чудотворца долетела и до столицы. И посыпались из неё гости, как мусор из худого мешка. Вот тогда-то к нам и заявился высокий чиновник, да не за помощью от Мишутки, а разбирательства ради. Почитай, неделю он прожил у меня. И с Мишуткой не одинажды беседовал. Что-то всё записывал. А перед отбытием обещание дал, что не оставит нас без внимания и помощь посильную даст.

– А как имя того чиновника?

– Александр Игнатъевич Толмачёв.

Друзья переглянулись и, не сговариваясь, отставили фужеры. Дело-то, в таком вот повороте, становилось всё интереснее.

– Односельцы уж успели поделиться на два лагеря. Одни, благодетельствованные Мишуткой, увещевали горемык, мол, ступайте и вы к мальцу, он и вам подсобит, тогда все и образуется. А те, кому горе-то выпало, наседали на первых, говоря, отчего же вы не видите, какую ценою мы оплатили вашу радость? Так начал жить наш Лог. А Мишутка, словно и невдомёк ему было волнение промеж соседей, продолжал свои чудеса. Именно так, господа хорошие, чудеса! Вот, помнится мне, приходит он к моему соседу, который имел большой надел за околицей, и говорит, мол, после завтрава гроза большая случится, да без дождика. А потому я совет даю – вбей колья по углам своего поля, да натяни от них накрест бечёвку. Сделай, говорит, непременно, а то и урожая лишишься, и односельцы пострадают. С тем и ушёл. Крепко задумались мы с Фёдором, так соседа моего кличут, а в тот самый вечер я был в избе у Фёдора, и весь тот разговор самолично слышал. И вот какая заковыка – не сделать, как советует малец, может случиться то, о чём он говорил – пожар, урожай и страдания односельцев, в этом, уж, сомневаться не приходилось. А коли сделаешь, то будешь опосля чувствовать себя виновным в чьей-то беде. Да... И порешили мы с Фёдором так, навроде хитрость сотворить – на его поле энти самые колышки отправлюсь ставить я, а сам Фёдор-то, якобы, ничего не ведаёт. А раз так, то никакой малости он для собственного блага не делал и не просил и, значится, горя никому принести не должён. Вот вбил я самые колышки, бечёвку натянул... и сподобил, правда, той бечёвки немеряно. И Бог с ней! Проще говоря, стали мы с Фёдором дожидаться грозу. Он в избе, а я в поле. И случилась, таки, гроза той ночью, да такой силы небывалой, что я такой и не припомню. И надо же такому случиться, что уж утихающая непогода ударила молнией прямёхонько в Фёдоров надел! К тому же, угодила не куда случится, а точь в точь в перекрещенную бечёвку! И понеслись огоньки по ней, да с искорками, от самой серёдки да к колышкам! Словно кто шутихой баловался. Да... Сгорела бечёвка до золы, а поле не опалила. В точности ведал Мишутка, что случиться должно, и случилось слову его. Да...

– А горе... простите великодушно, – заговорил, доселе молчавший Кирилла Антонович, – хитрость ваша помогла?

– То было бы настоящим чудом, ежели бы помогла. На другом конце Лога, в ту самую ночь, кто-то серпом отнял голову ребятёнку. И случилось смертоубийство в своей избе, чужаков там не бывало. Старики решили, что родитель в гневе пошёл на смертный грех. А отец-то в артели подвизался, лес они с товарищами валили. В аккурат вечером, прямо перед грозой, он и возвернулся опосля месячной отлучки. Мужик, сам-то, трезвый и правильный... а на кого ещё подумать-то, когда в его избе такое... Потом приехали жандармы и забрали дровосека. Хотя, жена евоная Татьяна, криком кричала, что не муж ея сотворил то, что она, также, будучи в доме, ничего не видела и не слыхивала, да и не ведаёт, кто бы мог такое-то... всё едино жандармы забрали. А опосля грозы, да и опосля погибели ребятёнка, Фёдор умом-то и тронулся. Ходит по улицам и бечёвки собирает, связывает их подлиннее, да и ребятишкам раздаёт. Спутайтесь, молвит, бечевой-то, авось и пронесёт вас. И слезьми плачет... Да...

– Господи, святой! Вот страсти то какие, а? Страсти-то какие! – Запричитала Циклида и, уж совсем не таясь, вынесла для себя скамеечку, и устроилась промеж мужчин у стола. Да, и до этикету ли при таких страстях-то?

А Никифор Авдеевич, меж тем, продолжал.

– Бывали ещё и иные дела, кои он сотворял безо всякой цели. Помяну вот какой случай. Как-то, уж по осени, припустил дождь. Так Мишутка вышел из избы на улицу, стал под струи и стоит. И что бы вы думали? Стоит, себе, под дождём, сухим сухой, и земелька от него на локоть в боки сухая. Так и простоял весь дождь. А через неделю, на том месте, которое сухим осталось, начал прорастать чертополох. Такие дела. Да... Сам-то, я, так уж вышло, оказался в стороне от его чудес. И подмоги никакой не просил, и горе меня стороной обошло. На вроде того, что живи и радуйся, а радость-то не приходила. И удумал я тайком приглядывать за Мишуткой – куда направляется, с кем разговоры заводит, ну и всякое подобное. И при-

метил, что частенько он по ночам ходит в ту старую кузню, и сидит там при свечке до самой зорьки. В кузне окна слюдяные, старые, вот не видать мне было, чем он там маялся. На вроде, как, читал. А подойти ближе... не подходил я ближе, каюсь. Духу не хватало. Тут ещё, когда приезжал господин Толмачёв, так вопрос задавал – а не слыхивал ли кто в ваших краях про такую книгу «Чёрная Библия»? Как не слыхать, отвечаю я ему, по рассказам стариков это то самое место и есть, где ея сожгли до пеплу. Они, старики, ещё говорили, что когда они сами мальцами были, так им их деды рассказывали, что появилась у них в общине та самая Чёрная Библия. Много, говорят, беды и горя принесла, но и в помощь была кому-то. Так это, говорил господин Толмачёв, и есть та самая суть дьявольская. Одному маленькая, но приметная для всех радость, а иным большое, но не разделяемое другими горе. От этого и растекается бесовское зло по земле, как вода сквозь сито. Да... А вот про чтение Мишуткой... того я самолично не видал, а понимание таковое само по себе в моей голове приключилось. Думал я, что отыскал он ту самую Чёрную Библию.

Сидевшая молча Циклида внимала каждому слову Никифора Авдеевича. А уж коли тот заговорил про книжицу, то и вовсе прижала пухлые ладошки ко рту, да так и застыла. И лишь тогда, когда в речи гостя прорезалась толика тишины она, словно очнувшись ото сна, поднялась со скамеечки и промолвила.

– Тятенька мой был из Тотьмы, но и он не единожды говаривал, что есть в Вологодских краях та самая бесовская книга (вот, ведь, убоялась Циклида принародно назвать Библию чёрной). Много горя принесёт людям, пока они не окрепнут духом, не соберутся разом и не сничтожат её. Поделила книга людей, ох, поделила-то как! Ещё тятенька сказывал, что для сничтожения какой-то обряд соблюсти надобно, и знают его местные старики. Только, какие? Где их сыщешь, тех стариков-то? Господи, вот страх-то какой, вот страх-то!

Окончив речь она, нисколько не раздумывая, взяла фужер Кириллы Антоновича, и единым махом осушила его до самого дна.

– Налить ещё? – Спросил Модест Павлович, беря в руку бутылку.

– Нет, благодарствую, не поможет винцо. Вот страх-то, Господи, вот страх-то!

Забрав скамеечку, Циклида ушла на кухню.

На веранде повисла тишина. Прервать её решился Кирилла Антонович.

– Ежели мне не изменяет внимательность к вашему повествованию, то сам по себе рождается вопрос, имеющий в подоплёке чистой воды догадку. Что вы сделали с Мишуткой?

– Убил. Вернее, думал, что убил.

– Как это?

– Случилась во мне решительность положить конец тому, что творилось в Логе. И пришла в час ставшего обыденным ночного бдения за Мишуткой в кузне. Найти и принести сухого сена, было делом простым. А когда огонь стал разгораться, я подпёр дверь бревном. Опося отошёл в сторонку и стал глядеть. Кузня занялась скоро, однако горела она странно. В серёдку огонь не попадал вовсе, а только дым. Да... Кричал он, шибко кричал, но как-то не понятно. На подмогу никого не звал, да и крик был без понятных слов. А голос был не его...

– Вам померещился ещё чей-то голос?

– Нет, голос был от одного человека, вот походил он на... рёв быка, что ли, только со странными звуками. Нет, люди так кричать не сподобятся. Да... Когда пламя унялось, увидел я, что, почитай, все, кого горе коснулось, стояли невдалеке, и молчком глазели на пожар. И тушить никто не шёл. А из облагодетельствованных не явился никто.

– Странно, право слово странно.

– Станным вышло иное. Когда уж занялся рассвет, и удалось разглядеть то, что было в серёдке кузни... никто не поверил своим глазам. На маленьком табурете, у самого верстака, сидел старик. В рваном рубище, со спутанными волосами... и бездыханный. Видать по всему, что он задохся от угара, а огонь его так и не тронул.

– А малец, малец-то, куда запропастился? И узнали ли вы того старца?

– Куда он подевался – не ведаю по сей день. Да, что я-то? Говорил уж, что и односельцы собрались на зарево пожарное поглазеть. Они, как и я, не увидели, чтобы Мишутка-то из кузни сбечь смог. Окрест горевшего проклятого места светло было. И крик из кузни они тож слышали. А старик... то был, вестимо, не из нашенских. Никто из односельцев его припомнить не смог. По правде сказать, глядели его одни только наши мужики. А бабы забоялись не то, что поглядеть, а и близко к кузне подойти. Разве только... нет, ничего.

– Никифор Авдеевич, вы это прекратите! Уж начавши говорить, не обрывайтесь на недосказанность! «Разве только» что?

– Как пожелаете, скажу. Один из Мишуткиных одногодков Стёпка, подьячего Макара сын сказывал, будто заметил он у Мишутки пятно на руке, малость ниже локтя и формы такой... странной, словно голова человеческая, только не прямо, а, вроде, сбоку. И лоб видать, и нос, и уста, и... да что мальчика-то слушать? Сорванец, одно слово.

– Вас постоянно предупреждать надобно, что говорить следует всё, как есть?

– Сказывал, что окромя лица, возможно было разглядеть и рог. Но не ото лба, а от темени. Сказывал, будто готов повторить то под присягой хоть и перед самим царём. Вот... и такое же пятно оказалось на руке старца.

Никифор Авдеевич хотел уж на себе, не предумышленно, разумеется, показать место, на коем и у мальчика, и у старца были однообразные пятна. Да вовремя спохватился.

– И мать Мишуткина, вдовица Ольга, тож про пятно удивление высказала. Не было, говорит, ничегошеньки на ём. А Стёпка... да, что с мальчика взять-то?

– Про пятно понятно. А мать его, Ольга, как погибель сына перенесла? Поди, сильно горевала?

– Я перед ней не стал таиться, и поведал ей правду про сотворённое мной прошлой ночью. Она же мне ответила, что чего не то похожего и ожидала, хоть и явно не желала. И ещё сказала, что устала она от такого сына, устала людей сторониться, да реветь ночами. Коли ея сын таковых бед наворотил промеж людей, с которыми бок о бок свои годки прожил, так и не сын он ей боле. Меня она не виноватит, да и греха не стыдится, признаваясь в том, что угомонить Мишутку надобно было ранее. Такие дела.

– Да-а-а... – только и выдал из себя Кирилл Антонович. А вослед добавил, – а как же жандармы? Ведь было натуральное смертоубийство? Как же вы не под арестом? Сбежали?

– На сей счёт можете быть спокойными. В то утро, когда сгорела кузня, я собрал всех, кто ещё оставался в Логе, и крепко накрепко велел запомнить такое – когда придут жандармы для розыскного дела, все и каждый, под страхом суда Божия и моей личной кары, говорить обязаны только то, что видали, либо знают самолично. Никаких придумок, и никаких «соседка сказывала». Говорить надобно только правду. Так и случилось. Убивец Мишутки – я, а убиенного нету. Кузня опалилась до пеплу, а серёдка годна для жандармского следствия. Есть старец, но никому не ведом. Да и свидетелей тому, что это я кузню поджёл, нету. В том я признался сам. Начальство голову почесало, да и оставило меня дома, взяв слово, что явиться должен по первому вызову. И явлюсь, скрывать мне нечего.

– Так старца схоронили у вас, в Логе? – Отметился вопросом Модест Павлович.

– А книга-то где? Нашли?

– Старца увезли жандармы. Они не смогли распрямить его. Тело, навряде, как и мягкое, а из сидячей позы в лёжку не распрямляется. Так и погрузили его на подводу. Попонкой старенькой прикрыли, и увезли. Книгу не отыскали ни мы, с односельцами, ни жандармы. Сказывают, будто листы в той книге не бумажные, и не пергаментные, а из человеческой кожи, прости, Господи!

– Очень интересная история, очень! Поучительная, трогательная и драматическая одновременно. Но вы, Никифор Авдеевич, к нам прибыли не для рассказа о нашем Логе, верно? Рассказанное вами имеет продолжение? И каково оно?

– А продолжение таково. Думается мне, что уездное, либо губернское начальство доложило в столицу. Кому доложило – не ведаю, а только на пятый день прибыл к нам, самолично, господин Толмачёв. Тогда он мне о поведал о вас. Сказывал, что есть у него два товарища, могущих уразуметь сие дело, да и помощь оказать. Вот я и прибыл.

– Да, уж, способных уразуметь, – откинувшись на спинку плетёного кресла, протянул Кирилл Антонович. – Ну, что же....

– Постойте, постойте, – подался вперёд Модест Павлович, а лицо его приняло такой вид, каковой бывал у него в минуты трудного военного боя. – Как это – уразуметь? Малец – да Бог с ним! То ли угорел, то ли убёг, то ли состарился. Той страшной Библии нет. Односельцы ваши перемиряются, да и заживут лучше прежнего! Какое такое дело нам надо уразуметь, коли у вас всё налаживается жизнь? Что стряслось такого, что по финалу вашей драмы вы предприняли поездку в Тамбов? Ну-ка, выкладывайте без утайки!

Кирилл Антонович встрепнулся на слова друга, и принялся бранить себя. Разумеется, мысленно. Как же он так ловко попал на подобную льстивую приманку? Возомнил о себе! А вот Модест Павлович – молодцом! Эх он ухватил то звено в повествовании, которого так не доставало до полноты картины! Он-то ухватил, а я? Надобно внимательность воспитывать в себе, непременно надобно воспитывать!

А в голос молвил иное.

– Да, милейший, не сходятся концы с концами. Как говаривает Циклида – два сапога пара, да на левую ногу надеты, – не совсем к месту закончил свою реплику помещик. Для правды сказать, ничего подобного кухарка никогда не говорила, а сказано подобное было с таковой целью – уж коли ты приехал к помещику, который способен «уразуметь» такое сложное дело, так и кухарка у него многому обучена, не льком шита. Вот такое, или что-то подобное, имел за цель помещик, говоря вышеупомянутое.

– Очень прав оказался господин Толмачёв, говоря такие слова про вас. Всё вы ухватили верно. На третий день, опосля его прибытия, из Устюга Великого пришла весть, которая не стала доброй. Нечто подобное стряслось в посёлке Путятинском, нечто, схожее с нашей бедой. Ихнего мальчика кличут Васькой, а в остальном полная похожесть. Человек, который доставил новость, краешком упомянул и о пятне на руке ихнего мальчика, тож малость пониже локтя.

И сызнова Никифор Авдеевич вознамерился указать на своей собственной руке местоположение пятна, и сызнова, спохватившись, не стал того делать.

– Господин Толмачёв велел приехать к вам и всё в деталях изложить.

– И?

– И в том разе, коли у вас к тому случится охота, поехать со мною в Лог. А там уж господин Толмачёв вас встретит. На сей раз я всё вам поведал. Без утайки.

– Да-а-а, – вторично за этот день протянул Кирилл Антонович. Он уж вознамерился добавить что-то ещё, приличествующее моменту, но не смог. Со стороны дороги послышался вопль первобытного охотника. Этот вопль нарастал, пока резко не оборвался прямо за домом. А малость погода, из-за угла веранды появился Прошка, степенно вышагивая, словно старая цапля.

Не спросясь (он и раньше ничем подобным себя не обременял), мальчишка поднялся по ступенькам и протянул Кириллу Антоновичу конверт. Решив, что для полноты созданной им картины, не достаёт ещё одного, но весьма весомого мазка, он произнёс со всей серьёзностью, на какую только было способно это белобрысое существо.

– Доставлена почта. Извольте отыметь!

Первой рассмеялась Циклида, вышедшая на веранду услышавши вопль родного дитяти. По её щекам потекли слёзы, но остановиться она не могла.

К её веселью присоединились и друзья. Только Никифор Авдеевич, впервые за всё время сидения за столом, позволил себе улыбнуться. При том, он показал, что под былой суровостью сокрыто довольно приятное лицо.

– Послушай, Прохор, Владимиров сын, это я могу иметь радость, горе и всё остальное в таком же духе. А что касается предметов то, передавая их, говорят «получить». Понятно? Ладно, спасибо тебе. Ступай уж, камердинер.

А что? Проще понравилась бы любая реакция на его поведение. А эта, со смехом, чем она была хуже остальных?

И в удовлетворении от произведённого впечатления он, глубокомысленно произнеся «Завсегда пожалуйста», удалился с высоко поднятой головой. Не преминув споткнуться на предпоследней ступеньке. Чем и вызвал новый смех.

– Что тут у нас? О! Смотрите, Модест Павлович, как всё кстати! Это от господина Толмачёва. И что же он пишет?

Кирилл Антонович принялся читать вслух. Но оказалось, что в письме описывались события, известные друзьям от их гостя. Поэтому помещик перешёл на молчаливое чтение.

Окончание последнего, третьего, листа, было прочитано с иным, более строгим выражением на лице.

– Циклида! А, ты тут... Будь добра, подай нам ещё винца. А гостю завари... сама знаешь чего. Модест Павлович, ознакомьтесь с письмом. Особливо с финалом.

Штаб-ротмистр глазами отыскал нужное место. Прочёл, поглядел на Кириллу Антоновича, и прочёл сызнова.

А в письме было вот что:

«По приезде моём в Великий Устюг, я навёл нужные справки о Путятине. Это посёлок в двух верстах от уезда. А уж на следующий день моего пребывания в этом поселении, это было вчера, кто-то похитил все мои деньги, важные бумаги и мой револьвер. И, к тому же, изрезал всё моё сменное платье. Уж не Васькины ли то проделки? Пребывая тут, начинаешь верить в то, что ранее представлялось жульнической мистификацией.

А посему, милостивые государи, имею уведомить вас об том, что переданную через Никифора Авдеева Зарецкого просьбу прибыть сюда – аннулирую, за полнейшей ненадобностью. Извольте сие принять, как приказ, недопустимый к ослушанию.»

Далее шли всяческие заверения, полагающиеся при завершении письма.

– Что скажете, дорогой друг? – Спросил помещик, по привычке поглаживая свой шрам на щеке, выглядевший в виде латинской буквицы «V».

– Скажу не много. Мы не можем ослушаться приказа.

– Позвольте, как это «не можем»? Он сам, пусть и не требуя, но иносказательно и через посланного человека просил о помощи! Мы не можем...

– Мы не станем нарушать приказ! И точка! Не годиться дворянам, получившим приказ не соваться в то дело, обходить его своим произволом. Вы должны раз и навечно усвоить, дорогой друг, приказ есть приказ! Его, сперва, исполняют, и лишь по исполнении обсуждают! Но, – Модест Павлович поднял указующий перст, привлекая внимание помещика, вознамерившегося перебить его речь, – но! Нам не возбраняется поехать туда и самим узнать, по какой именно причине был отдан сей приказ. Таково действие есть правильным, и не нарушающим устава. Или, ежели, пожелаете не устава, а жизни.

– Модест Павлович, дорогой мой, вы неподражаемы!

– Знаю. И мне приходится с этим жить.

– Так что, в дорогу?

– В дорогу!

ТУМАН.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ

ГЛАВА ТРЕТЯ

НЕСПЕШНАЯ, НО НУЖНАЯ.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ.

– Как я понимаю, господа, вы, всё же, ослушались моего приказа?

Таковыми словами встретил Александр Игнатъевич Толмачёв вошедших в его номер гостиницы в Великом Устюге. Сказал без особой радости в голосе, однако, и без суровости. Вот так просто и произнёс: «Как я понимаю, господа...».

Наши друзья остановились в дверях, опустили из рук на пол дорожные саквояжи и так и остались стоять, не шевелясь. От неожиданности. И молча от того же.

– Мне стоило бы ранее, намного ранее изменить наши отношения. Замест приказного письма надлежало бы с вами договариваться. Такая манера нашего сотрудничества, как мне видится, вам более по нраву. Думаю, что я прав. Хотелось бы мне услышать о причине, по которой вы не приняли в буквальности то, что я описал в письме. А с иного боку – узнаю я истинную причину, и что? Вы уж здесь, и изменить эту действительность мне не по силам. А посему, я искренне рад, что вы проявили подобное послушание и прибыли. И, как нельзя, вовремя, доложу я вам! Ну, что же вы стоите? С прибытием!

– А по какой надобности была та презлющая вступительная часть?

– Я просто следовал протоколу.

Крепкие рукопожатия давнишних знакомцев как-то сами перешли в не менее крепкие объятия с похлопываниями по плечам и спинам.

– Уж стало понятно, что промеж нас восстановлен мир и прежняя доверительность. А что может нам помешать где-нибудь и что-нибудь откушать? Под хорошее винцо.

– Я писал вам, что после некоторых событий, я несколько стеснён в средствах, а наш почтовый департамент...

– Александр Игнатъевич, показывайте, где в этом городе находится приличная ресторация, и покончим на этом. Думаю, что Кирилла Антонович тож сочтёт верным, не считаться расходами промеж нас.

– Ну, господа, вы ставите меня...

– Александр Игнатъевич, право, хочется кушать!

– И не только кушать, – добавил штаб-ротмистр, подавая сюртук советнику. – В ресторации и поговорим.

И был в той ресторации ужин, и был там разговор, да только пользы в нём оказалось столько, сколько в пустом мешке. Не стал надворный советник подробностей говорить, а только поделился задумками.

– Давно я взял себе за привычку сохранять в отдельном месте папки, кои содержат всякие бумаги, описывающие непонятные дела. А почему? Чутьё, знаете ли, подсказывает, что не единожды случилось дельце, что в папку попало. Как с тем туманом, надеюсь, помните? Так вот, дело по этой Чёрной Библии принудило меня открыть папку уж в третий раз. Первый раз, когда до меня дошли слухи об этом, было уж три года назад в Архангельском уезде, когда он ещё не был отделён от Вологодской губернии. Да, перерыв не велик, три года. Только вот... случаев – то не три, а на самом деле одиннадцать.

– Это же...

– Нет, Кирилла Антонович, вряд ли эта цифра так страшна. Первый слух, как уж говорил, пришёл из Архангельска, однако всё началось и завершилось не на одном месте, а в пяти посёлках, находящихся на небольшом расстоянии один от другого. Всё происходившее, вернее надобно сказать, перетекавшее из посёлка в посёлок, считалось за один факт, имевший появление сведения, схожего с сегодняшним, и до полного прекращения творимой мистерии. Второе появление слухов о подобном, случилось в Могилёвском уезде, это далеко на запад от сих мест, и обошло шесть поселений. Третий случай поразил Вологодскую губернию. Пока мы ведаем про два посёлка. Как по мне, то это ещё не мор, хотя слово «эпидемия» всё чаще приходит на ум.

– Господин советник, а нет ли...

– Модест Павлович, мы уж уговорились оставить чины.

– Это я проверял, внимательно ли вы слушаете?

– Ваш укол достиг цели! Я ценю вашу память и ваше умение корректно отвечать на мои прошлые выпады. Это, видимо, касает вопроса, заданного мной о...

Надворный советник осознанно сотворил паузу, ожидая подсказки штаб-ротмистра.

– О Париже.

– Именно! Вы, имею счастье об этом заявить, отменный слушатель и прекрасный собеседник. Извините, что прервал вас.

– Позвольте и мне выразить своё восхищение вашими достоинствами. А вопрос мой таков – нет ли чего общего в этих трёх, с позволения сказать, вспышках и в случаях, возможно похожих в тринадцати посёлках? Кроме, разумеется, книги?

– Есть. И в том заключается настороженность моя в отношении проводимого следствия.

– И каковы они, те схожести?

– Этого я вам говорить не стану. Как вы сами понимаете, что о недоверии к вам не может быть и речи. Возможно, повторюсь, возможно, что у вас, от услышанного, может сложиться некое определённое мнение, отчего всё то новое, что мы узнаем тут, может быть понято и, как следствие, использовано превратно. Снова повторюсь – возможно. Может, и нет. И для того, чтобы получить девственно чистый и совершенно правильный ответ, следует заранее исключить все эти «возможно». Вот потому-то мы и станем действовать порознь, собирая ответы в единый котёл. А после уж поглядим, в какую похлёбку мы с вами попали. Ваше здоровье!

Говорили ещё о многом, вскользь и подробно. Не менее того закусьвали. В самом конце ужина наши друзья получили... нет, не задание, а, скорее, предложение. Пожелание провести своё собственное исследование, дабы получить своё, отдельное мнение, кое, в купе с имеющимся у советника, сложить в собственноручно сотканную картину произошедшего, прозванного господином Толмачёвым «мистификация».

И, уже наутро, нанятый извозчик повёз Кирилла Антоновича и Модеста Павловича в уездный город Верховажский Посад, числящийся, в поземельно-удельных уложениях Российской империи, заштатным.

Именно заштатным он и оказался внешне. Поднявшись по чьей-то прихоти на более высокую ступень в поселковой «табели о рангах», по сути, он остался малоподвижной деревней с плохо подметенными площадями, но с ухоженными фасадами домов, оказавшейся своеобразной оградой тех самых площадей.

Обыватели же, словно повинувшись наитию, враз возжелали «чего-то такого эдакого», что сближало бы их, хоть внешне, с обывателями «приказных» уездных городов, а не с односельцами заштатного Верховажского Посада.

В таковом же смысле преобразились и рынки. Простенькие столы с товарами сменились многополочными прилавками, а снующие и горластые торгаши с переносными лотками пересели на тележки, предлагая свой товар прямо с колёс.

Единственное, что не менялось, да и не желало меняться – чиновничество.

Замахнувшись на уездный перечень должностных лиц, Верховажский Посад получил только одну штатную должность, в служебный долг коей входило всё, что должно иметь пятерым чиновникам. Чистота улиц в Посаде, лечебница, сочленённая с судебным моргом, малочисленный полицейско-жандармский отряд, архив, чтение и столоведение земских бумаг, приём жалоб, а не редко и подмётных писем, торговля, образование... вроде всё. Да, это всё. И начальствовал над всем этим Посадским счастьем коллежский асессор Турчинов Александр Валентинович, а по государственному уложению о чинах – его Высокоблагородие.

И завершающий мазок в фон картины перед тем, как писать основной сюжет. Надобно отметить, что основная должность господина коллежского асессора состояла в управлении почтового отдела. Так-то, вот.

Именно к нему и направились на аудиенцию господ Ляцких и Краузе.

Кабинет его высокоблагородия располагался в городском управлении, расквартированном в доме, некогда принадлежавшем княгине Трубецкой, выстроившей сей дом для непонятных надобностей, поскольку ни разу вышеозначенный дом не навещавшей.

У самых кованых ворот, втиснутых в опоясывающий сие здание деревянный забор, стоял скучающий жандарм, лениво отгоняющий саблю пролетающий мимо мусор. День, для подобного занятия, выдался удачным. Было ветрено.

Равнодушно пропустив посетителей и, растолковав, где и как сыскать кабинет его высокоблагородия, жандарм вернулся к прерванной забаве – отбивать у ветра его добычу в виде мятых листков от афиш, упаковочной бумаги, верёвочек и позапрошлогодних листьев.

Вот верите, либо нет, но никак не возьму в толк, для какой нужды я описываю таковые подробности Верховажского Посада? Что в них проку? Но, всё едино, срываюсь и срываюсь. Не оттого ли, что в России-матушке неизбежно увядает отдалённая провинция, зря старающаяся спорить с блеском и роскошью столичных городов? Возможно, что и так. Или наоборот. Ежели вы, читатель, не придёте к более разумному толкованию подробных описаний, то и вовсе пропустите сие место в текст. Мне обидно не станет.

И пока я отвлекался на подробности, наши друзья уж проследовали по анфиладе комнат второго этажа, и остановились у самой большой двери, ведущей в сам кабинет господина Турчинова.

Постучал в оную штаб-ротмистр.

– Войдите, ежели считаете, что вы тут нужны.

А друзья-помещики именно так и посчитали, оттого и переступили порог.

– Желаем здравствовать, ваше высокоблагородие! Позвольте отрекомендоваться...

– Это так необходимо?

– Видимо, нет, если вы выслушаете нас и соблаговолите дать нам ответ на один вопрос.

Его высокоблагородие как-то уж очень неопратно влез перстом в ноздрю, покрутил им, и что-то извлёк. Внимательно разглядел находку, понюхал... и отёр обо что-то под столом.

– Табак. Ишь ты, не весь вычихался.

Круглое лицо чиновника вмиг стало не то, чтобы неприятным, а скорее отвратительным. Маленькие глазки, в обрамлении рыжеватых, коротеньких и редких ресниц, совершили попытку мудро прищуриться, отчего всё обличье, в купе с полными и влажными губами, приобрело вид, как у излишне капризного и придурковатого ребёнка. Не портило отвратительность лица и резко контрастирующие меж собой мясистый нос и малоприметный подбородок.

При взгляде на сие, с позволения дам сказать, лицо, Кирилл Антонович к месту припомнил высказывание Вольтера, увидавшего карикатуру на него самого. «До чего же отвратительная маска!» – воскликнул философ. «Это он не видал ещё маски сего чиновника! С той разницей, что это не карикатура, а сущая натура!» – подытожил свой воспоминание помещик, имея в виду под местоимением «он» самого Вольтера.

– И что вам угодно?

– Угодно следующее, – ровно, однако твёрдо, молвил Модест Павлович, производя шаг вперёд, – доставлялось ли в Верховажский Посад тело старца из Веди... щевского?

Тут, на сей недосказанности, штаб-ротмистр оглянулся на помещика с явным вопросом в собственных глазах. Получив утвердительный кивок головы, продолжил.

– Из Ведищевского Лога. Это событие должно было быть во второй декаде прошлого месяца.

– И это всё?

– Да. Это – всё! Кроме того, разумеется, куда направлено тело, и кто его перевозил.

– Уж и не припомню подобного случая.

– Позвольте, ваше высокоблагородие, неужто вам ежедневно доставляют не по одному покойнику, чтобы запомнить старца из Лога?

– А вы знаете, господа, мне нет дела до ваших покойников. Коли кого и привозили, так в покойницкую и скидывали. Им, покойникам, там самое место.

– Позвольте, однако ж, в отношении появления того покойника ведётся следственная работа. Из-за этого дела приехал сам господин надворный советник Толмачёв! И дело сие под патронажем самого... – тут Модест Павлович подбородком указал на портрет императора Николая Второго, висевший над креслом чиновника.

– Оставьте, господа, Что ОН, – коллежский ассессор попытался повторить жест подбородком, но толстая шея не дала голове повернуться к портрету, – мне сделает? Приедет, как ваш господин Толмачёв, и бранить станет? Ему, как и всем, равным счётом никакого дела нет до нашей губернии.

– Ваше вольнодумство может иметь скверные последствия. А расследование....

– Послушайте, – перебил штаб-ротмистра Турчинов, – что вы мне тут про расследование талдычите? У меня у самого расследования каждый день, и отвлекаться на привозных покойников мне недосуг. Вот, извольте полюбопытствовать!

Чиновник извлёк из папки, покоящейся на самом краю стола, несколько листов.

– Эти жалобы получены третьего дня. Ну, хоть эта – рабочим Дунаевым и другими сваливается навоз у паровой мельницы, принадлежащей И.А.Россомахину. Далее. У казака Синцова неизвестно кем похищен тулуп. Каково? Вот, полюбуйте ещё – У обывателя Зубова также похищен тулуп, стоящий аж сорок рублей. Следующее – у обывательницы Евдокии Антроповой Рыковой украдены разные домашние вещи, на сумму сорок рублей. Те же сорок рублей. И кражу совершила прислуга Рыковой, по имени Анастасия. Фамилия неизвестна. А со вчерашними жалобами вас ознакомить? Хе-хе-хе, – как-то совсем уж не к месту захихикал чиновник, умудрившийся, сие хихикание, совершить отвратительно.

– Мне, господа, надобно вести следствие по жалобам живых, а вы мне предлагаете запоминать покойников. Мне нет дела до них.

– Нам следует удалиться, – прошептал Кирилла Антонович другу.

– Да, следовало бы сюда вовсе не приходить, – таким же шёпотом отвечивал Модест Павлович. А в голос сказал.

– Нам, ваше высокоблагородие, пора. Честь имеем откланяться!

– Погодите, господа! Вот... вы торопитесь уйти, а я только что помочился себе в штаны. И никому до этого нет дела. Никому....

Словно по команде друзья покинули кабинет, а затем и здание управы, оставив его обитателей заниматься любимым делом – одного мочиться в собственные штаны, а другого гонять саблей пролетающий мимо мусор.

* * *

– Вроде бы и Русь та же, что и у нас дома, а действительность совсем уж иная. Вы, часом, не знаете, как вот это, – штаб-ротмистр развёл руки в боки, словно пытаясь охватить ими

улочку, по которой они шли, весь Верховажский Посад, всю Вологодскую губернию и, чего греха-то таить оставшуюся, опосля перечисленного земельного удела, Русь.

– ... вот это всё может уживаться и, даже, каким-то манером процветать?! Кто наряжает в уездные столоначальники люд с отвратительным лицом но, скорее всего, с подходящей родословной? И настанет ли этому изменение в сторону хорошего? Вы, мой друг, не сердчайте на меня, но я вам скажу откровенно – то, что мы недавно увидели, толкает Россию в пропасть! Ко мне и вовсе крамольные мысли зачастили – может пусть эти народники – разночинцы – революционеры возьмут власть в свои руки и наведут порядок? Новая метла, говорят, метёт по-новому....

– Да-да, только когда обломается, то под лавкой валяется. С вами трудно не согласиться. Но, вот, касаясь революционеров... я читывал о французской революции. Верите, мне стало не по себе от того ада, который они сотворили, а представьте на миг, что вам самому доведётся пережить эту смутную историческую годину, дабы дождаться порядка от новой метлы. Как по мне, так увольте! Не должно допускать революции в России, не должно! Даже и таковую допускать нельзя, какая примется обещать хороших чиновников и благодатную жизнь! Любая революция, дорогой друг, есть обман! Простой обман для получения кем-то выгоды, совершенно без обещанного переустройства общества. Нет, я на многое готов, чтобы не допустить революции. Вот, кажется, мы и пришли.

Разговор происходил промеж друзьями, кои преодолевали не далёкую дорогу от уездной управы до уездной лечебницы. Именно в ней они и собирались испытать свою удачу, и найти хоть крохи ответов, которые, вероятно, сложились бы в ответ.

Самой лечебницей оказалось длинное одноэтажное здание со множеством окон по фасаду, но с одной дверью.

Некогда окрашенное в цвет «благородная зелень», лечебница ныне являла собой грустное смешение остатков «зелени» и проглядывающих то тут, то там прогалин с остатками краски других колеров, ранее гордо украшавших стены, намного ранее до нанесения колера «благородная...».

Забора, либо ограды, у лечебницы не было. Левый угол здания был подпёрт здоровенным бревном.

Изо всех возможных людей, могущих пролить свет на беспокоящий наших друзей вопрос, либо предоставить нужные пояснения, сыскался только здоровенный бородатый детина, к счастью оказавшийся спокойным и рассудительным.

Ознакомившись с устным представлением прибывших господ, дополненный кратким изложением причины своего прибытия в сию замечательную лечебницу, детина невесть откуда выудил такого же спокойного мальчика, и наказал ему стрелой мчаться к дому Карла Францевича.

– Это отставной гоф-медик и старший в этой лечебнице. Он ведаёт всем тут, всё знает и, даст Бог, поможет и вам. Чаю не желаете?

Друзья согласились, однако на втором глотке ароматного напитка послышался чей-то голос, требовавший предоставить ему на обозрение ту причину, оторвавшую его от домашнего обеда. Причин, на самом деле, оказалось две и они, отставив чашки, пошли представляться лечебному начальству.

Думается мне, что нет крайней надобности, описывать и знакомство, и беседу, ради которых Кирилл Антонович и Модест Павлович прибыли в Посадские уголья. Надобность есть в описании ответа. Полученного от отставного гоф-медика.

– Занятно, право слово, занятно, – нараспев протянул медик.

– Позвольте полюбопытствовать, что именно вам показалось занятным? – Ещё не теряя спокойствия, вопрошал помещик.

– А всё. И интересующий вас покойничек, и ваш интерес к нему спустя, почитай, три недели. Что же, останемся разговаривать тут, в коридоре, либо пройдем в манипуляционную? Прощу сюда, третья дверь по левую руку.

Присущий лишь лечебницам запах, прочно чувствовавшийся в коридоре, обломком громадной скалы обрушился на друзей, перешагнувших порог кабинета.

Карл Францевич Рюгерг, так отрекомендовался отставной гоф-медик, был высоким и стройным мужчиной, возраст которого угадывался в седине и в предпочтении обедать дома, а не греть себе суп на спиртовке. Ещё он хромал на левую ногу.

Заметив, тут же, что пришедшие гости поглядывают на его походку, сам и наперёд дал объяснение подобному.

– Ишиас, знаете ли. В точности по поговорке – сапожник без сапог. В моём случае лекарь без... Все мы скроены из одного материала, да и рвётся он у всех одинаково – и у сапожников, и у врачей. Правда, у одних раньше, а у иных вот уж третий месяц. Итак, господа, – тут же меняя тон с почти приятельского на тот, каким говорят с непослушным пациентом, Карл Францевич продолжил – интерес ваш обращён к безымянному старцу, доставленному из Ведищевского Лога?

– Да, именно так мы и сказали.

– Я помню. Но, в тот день, двадцать третьего числа, из Лога привозили трёх покойников. Все они старцы, одеты в простую одежду и все, как специально под ваш интерес, безымянны. Каковой из трёх вас более остальных интересуется?

Друзья переглянулись, а Модест Павлович как-то уж сильно озабоченно потёр шею.

– Кабы знать....

Слова, как на грех, не проговаривались. Мысли путались в такой клубок, что желание доискаться в них хоть что-то путное, приводило только к скверным предчувствиям. Очень и очень скверным.

– Знаете..., – скорее для того, дабы не молчать, протянул Кирилл Антонович. А продолжить не сумел – словцо «знаете» было единственным, кое удалось извлечь из той каши ощущений и мыслей, кои породились известием о ТРЁХ покойниках из одного поселения. В один день. Ещё чего начинал страшиться помещик, так это того, что эти три усопших могли оказаться схожими внешне.

ТУМАН.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

СТРАННОСТИ И НЕСОВПАДЕНИЯ.

Когда бы Карл Францевич отрекомендовался бы библейским Мафусаилом, прожившим более девяти сотен земных годов, то наши друзья восприняли бы подобное известие с меньшим удивлением. А так, кроме проговорённого «Как... это?», ничего более добавить не смогли.

– Что, простите, «как это»? Вы ожидали большего числа покойников? Или наоборот?

– Мы думали, – старательно подбирая слова и, оттого медленнее прежнего заговорил Кирилл Антонович, – что, вероятнее всего, будет один, так сказать, вновь приставленный. А их, поди ж ты, троица целая. Да и ассессор... коллежский сообщил, что не ведаёт ни об одном усопшем. А их... – снова замедляя речь, тихо продолжал помещик, – их всех из Ведищевского Лога... доставили? У них, там, приключился мор?

– О! Вы уж сподобились и аудиенцию получить у самого господина Турчинова? Ловко! И он вам именно так и сказал – ни одного покойника не доставлено?

– Да... он и...

– Не совсем так, господа, не совсем. – В разговор вступил штаб-ротмистр, демонстрируя привычку в буквальности передавать собеседнику услышанные от иного человека слова. – Он сказал, что не помнит такого случая.

– Вот уж наградил Господь, так уж наградил начальством! Вроде у него и приметыв все на лицо, как у нас, сапиенсов, а приглядеться – так дрянь человечешко, дрянь и есть! Не помнит... вы без подношения к нему явились, вот он и не помнит! Ладно, Бог ему судья. Теперь я вижу, что у вас нешуточный интерес проявился и к Логу, и к покойникам из того края. Не поделитесь причиной такого интереса?

– Хорошо, только вы первым поделитесь рассказом о ваших подопечных, условились? Мы же гости.

– Ловлю на слове. Тогда, – господин Рюгер переложил несколько листов бумаги на столе, пристроил пенсне на нос и продолжил. – Они, доложу я вам, не мои подопечные, я с живыми работаю. Наш анатом угорел, по причине винных излишеств, оттого мне и приходится в мертвецкую наведываться чаще, чем того требует начальственная надобность. Но, какой-никакой опыт имею, вот и отпользовал тех старцев. Теперь, уж, по сути. Первый из прибывших помер от чахотки. Возрасту он имел семьдесят пять, либо восемьдесят годов. Это примерное определение, поскольку чахотка никак не молодит, а напротив, внешне добавляет возраст. Найден приставом в овраге, у спуска к речке. Более ничего сказать не могу. Второй – утопленник, которого прижал ко дну топляк, когда старец намеревался перейти по брёвнам узкое место на той же речке. Утопленник – все признаки на лицо. Возраст – никак не моложе первого, ежели не постарше. Третий, – тут гоф-медик снял пенсне и вышел из-за стола, – инкогнито.

– Вам не велено об нём распространяться?

Можете мне не поверить, но и Модесту Павловичи, и Карлу Францевичу явственно послышалась неумело скрываемая надежда в голосе Кириллы Антоновича. А, может статься, и радость, вдруг оказался сия надежда осуществлённой.

– Напротив, запретов ни от кого никаких не поступало. Его, как и двух его попутчиков с этого света на тот, никто не видал.

– Инкогнито, в моём толковании означает лишь то, что об этом старце нет никакой возможности сказать хоть что-либо определённое. По-первам, срок его смерти не менее недели

до того дня, как он был сюда доставлен. Скажу более, он уж успел побывать в гробу и, натурально, быть погребённым. Если угодно морфологически, то у него хорошо развита мускулатура тела, а руки человека, не привыкшего ни к какой работе. Имелся характерный запах разложения и, так называемые, «ливорес кадаверици» – трупные пятна, проявленные во всей своей красе. Но, не смотря на всё это, его убивают ещё раз после уже свершившейся первой смерти. Я вам покажу.

Карл Францевич взял стул с высокой спинкой и поставил его в центр комнаты. Затем он уселся на него так, как, по его предположению, было сподручнее продемонстрировать гостям своё расследование.

Замерев в подобной позе на немного секунд, он обратился к своим гостям с просьбой запомнить положение тела на стуле, поскольку ему надобно покинуть данное, пусть и предположительное, место второго смертоубийства.

– Таково положение корпуса тела единственное из возможных, при котором оно не заваливается в сторону, не сползает и вообще никак не мешает проведению опыта. Я усаживал того старца не сей стул неоднократно, оттого могу говорить о своеобразной чистоте проведённого исследования. А далее, господа, происходит то, что полностью отражает нужность произнесения слова «инкогнито». Того старца для совершенно не понятной причины сильно ударяют по шее. Вот сюда, – гоф-медик двумя перстами провёл себя пониже темени, предварительно оборотившись к гостям спиной. – Удар известной силы был достаточен для того, чтобы полностью повредить шейные позвонки. Далее тело, повинувшись подобному удару-толчку, наклонилось вперёд, произведя не менее сильное соприкосновение лобной кости с ровной и твёрдой поверхностью. Предполагаю, что это мог быть стол. Могу привести вам с пяток доказательств того, что удар был по безжизненному телу. Подобное доказательство могу сдобрить десятком латинских и греческих выражений из трудов светил медицинской практической анатомии. Либо вы можете довериться мне и моим словам и примете на веру всё вышесказанное. И последнее. Удар, как мне представляется, наносил низкорослый человек. С высоты моего, либо..., – Карл Францевич поглядел внимательно на слушавших его друзей, словно примеряя высоту их роста с ростом возможного повторного убивцы, подумал чуток и, едва заметным разочарованием в голосе, продолжил, – либо обычного росту, таковой удар сложно произвести, ежели ты, я, разумеется, про убивцу, не обучен подобным ударам.

– Не совсем понимаю, – быстро сказал Модест Павлович, привыкший к прямому пониманию действия, а не к побудительной надобности совершения оного поступка, о котором, в сей же час, раздумывал Кирилла Антонович.

– Охотно поясню. Удар был нанесён не прямо, понимаете? Не, так сказать, вдоль половиц пола, на коих стоит стул, а под углом. Движение того, кто бил, было от пола, – гоф-медик схватил двумя руками несуществующий предмет и замахнулся, отводя руки в одну сторону. В обычай таковой замах Кирилла Антонович уже видал в одном естествоиспытательском альманахе, где описывалась британская игра «крокет». Именно таким манером отводились руки для удара так называемой «битой». Тем временем Карл Францевич продолжал.

– От пола и в сторону верхнего угла комнаты.

– По касательной.

– Именно по касательной. Так принято говорить у артиллеристов. Вы военный?

– Да, я служил в тех войсках, где в ходу выражение «по касательной».

– Тогда, Модест Павлович, примите мои искренние заверения в моём к вам уважении!

– Благодарю, Карл Францевич. Что-то ещё добавить можете?

– Пожалуй, что нет.

– Тогда, с вашего позволения, я вкратце повторю для запоминания. Последний старец был покойным не менее недели, после чего его откопали, посадили на стул и чем-то ударили сзади по темени.

– По шее.

– По шее, ему от того не больнее. Удар был по касательной (гоф-медик уважительно наклонил голову, соглашаясь с сим определением). Удар произвёл либо тренированный человек, который, мало того, что знал, как надлежит нанести удар, так и знал, куда именно. Либо повторным убийцей был низкорослый человек. Всё верно?

– Полностью соответствует моему рассказу.

– А... простите великодушно, – штаб-ротмистр слегка замялся, – этот низкорослый... этот убийца, не мог оказаться подростком?

– При том условии, что сила удара подростка будет уравновешена крепостью и тяжестью того предмета, коим и нанесён удар, может.

– А вы не предполагаете, что это за предмет?

– Вероятно, это деревянный предмет, обхватом с оглоблю. Вероятно. Но, в том разе, ежели убийца мужчина. А окажись он, с ваших слов, подростком, вполне вероятным станет и обух топора.

– Или кузнечный молот, – почти в один голос проговорили друзья.

– Теперь последний вопрос от меня, – погладив свою щёку, сказал Кирилла Антонович, – могли бы мы самолично осмотреть того, третьего старца? Точнее сказать – его тело.

– Увы, господа. Тела тех трёх старцев уж погребены, как неопознанные и бездомные. А сами регистрационные номера, коими пронумерованы их могилы, да и позволение, как я понимаю, на эксгумацию, находятся в ведении господина Турчинова. Но вы, памятуя о его памяти, и без должных подношений, к нему не пожалуете. Да и не советую вам к нему – испачкаться об него можете. Хотя, отговаривать от похода к нему не имею права.

– Продолжу «игру в последний вопрос», – улыбнувшись, заговорил Модест Павлович, – вам, как вы сказали, доложили, где сыскались первые два старца. А что сказали о третьем?

– Сказали, что лежал он на тряпице подле сгоревшей кузни.

– Хоть это сошлось.

Далее были рукопожатия, слова искренней благодарности и всяческие заверения, предшествующие прощанию. Друзья спешили выйти вон из лечебницы.

И не оттого торопились, чтоб переосмыслить всё сказанное гоф-медиком, а оттого, что хотелось надышаться воздухом. Чистым уличным воздухом, пусть и пыльным, но без запаха камфары и карболки.

В задумчивости друзья медленно двинулись вдоль улицы. Говорить не хотелось. И это «не хотелось» длилось не более полуминуты.

– А скажите, Модест Павлович, стоит мне завести себе трость? С резным набалдашником. Что скажете?

Штаб-ротмистр остановился и рукою попридержал друга, успевшего к тому мигу совершить ещё два шага.

– Что? – Спросил помещик.

– Думаю, Кирилла Антонович, что не стоит, а надобно!

– Считаете, что трость придаст мне солидности?

– Вероятно, что и придаст. Но сегодня, окажись трость в ваших руках, СТОИЛО (Модест Павлович голосом выделил сие словцо так, что всякая шутовская, пусть и напускная, вмиг испарилась изо всего облика помещика) бы отходить коллежского асессора, от чистого сердца отходить. И...

Штаб-ротмистр, произнеся «И», примолк. Он поглядел себе под ноги, поглядел на дома по правую руку от него, снова под ноги, однако, продолжать мысль не торопился.

– «И» что? Какая такая мыслишка посетила вас так внезапно? – Безо всякой игривости в голосе спросил Кирилла Антонович.

– Той тростью, о коей вы обмолвились, возможно, было бы указать направленность, в которой находится погост.

Помещик совершил шаг в сторону, да так, чтобы солнце без помех освещало лицо друга. И, по прошествии двух десятков секунд, которые были потрачены на пристальное вглядывание в глаза Модесту Павловичу, Кирилла Антонович задал вопрос той интонацией, которая и не вопросительная вовсе, но и никак не размышлительная. Но сам вопрос, при том при всём, не перестал быть вопросом.

– Как я понимаю, вы допускаете мысль о том, что дозволение на эксгумацию, возможно счесть предметом, лишённым необходимости, равно, как и моя несуществующая трость.

– Да, я считаю, что подобное толкование моих слов привело вас к правильному, хоть и слегка завуалированному, пониманию моей иносказательности.

– Ежели вы, дражайший Модест Павлович, позволите себе и впредь, в таком серьёзном деле, так туманно и так многословно изъясняться, то я вынужден буду пожаловаться на вас Циклиде! Вы не можете кратко сказать, что вы думаете о дозволении?

– Во-первых, вы, Кирилла Антонович, первым начали ходить вокруг да около чиновничьим языком. Во-вторых, добрая Циклида вам не поверит, поскольку любит меня. А в третьих – к чёрту дозволение!

– С первым пунктом соглашусь на четверть, со вторым – на треть, а с третьим согласен полностью! Смелость, знаете ли, города берёт!

– А наглость обходится без дозволительных бумаг. И, прошу вас, довольно слов! Идёмте к гоф-медику, он, как никто иной, хорошо осведомлён о местном погосте.

Карл Францевич, как вскоре стало очевидным, был осведомлён не только о месте, где располагался погост, но и ещё кое о чём.

– Вы, господа, ни за какие коврижки мне не поверите, но я, право слово, твёрдо знал, что вы вернётесь! Настолько твёрдо, что окажись рядом со мною мало-мальски состоятельный человек, я бы составил с ним пари. Да-да, именно, что пари! И не пожалел бы хоть и пятьдесят рублёв, поскольку уверенность в выигрыше была явной.

– И какова же причина пари, осмелюсь спросить, – заинтригованный штаб-ротмистр спросил у медика.

– А таковая – вы непременно вернётесь, дабы отправиться со мной на погост. Ну, каково? Вы вознамерились произвести эксгумацию, так сказать, приватно, без дозволения этого... сами знаете, кого. Ну-с, прав ли я был бы, составив подобное пари?

Друзья переглянулись. И вовсе не для того, дабы показать друг другу удивлённость, а исключительно ради того, дабы уследить в лице, либо в гримасе, либо сам леший не определит где, ту подсказку, по которой Карл Францевич разгадал намерение друзей.

– Ну, не томите! Скажите же что-нибудь, скажите!

– Вы правы. Пари – ваше!

– Вы правы, – эхом отозвался Модест Павлович, но продолжил говорить иными словами, – но, поскольку мы не состояли с вами в пари, то требовать с нас сатисфакции вы не станете.

– Разумеется, нет! Хотя... жаль! Превосходное было бы пари, просто превосходное! Значит – едем?

– Едем!

Осчастливленный барышом в несостоявшемся пари, гоф-медик быстро отправил уже знакомого нам мальчика за извозчиком. Экипаж объявился так скоро, словно он поджидал наших героев за углом.

И пари, и быстро найденный извозчик были восприняты друзьями за хорошие предзнаменования.

Местный погост, а коли уж Верховажский Посад поднялся на ступень выше в местечковой табели о рангах, то отныне – кладбище, было сравнительно ухоженным и, в отличие от лечебницы с её двором и садом, обнесено свежевывкрашенной железной оградой.

Карл Францевич приказал извозчику остановиться сразу же за большими воротами, ведущими в ту часть Посада, в которую постепенно и совсем уж не торопясь, переселялись местные жители. Переселялись под аккомпанемент плача, отпевание и поминальное застолье.

Сразу же появился и сторож, наскоро водрузив себе на лицо печальную мину. И гофмедик, и сторож оказались знакомцами. А, разве, могло быть иначе?

– Доброго здоровья, ваше благородие Францевич! Зачем пожаловал?

– По делу, Прохор, по важному делу! Где же твои могильщики копатели?

– А где ж им быть-то? Тута их работа, тута и жильё у них.

– Ну, и покличь их скоренько!

Сторож удалился. А наши друзья, ещё не до конца понимая, как себя надобно вести на чужом кладбище, решили, пока что, извозчика не отпускать и из пролётки не выходить. Оно и понятно – скоро принятое решение не всегда приносит ожидаемый результат, особенно тогда, когда не продумывается план поведения, поступков и подходов к разрешению вопроса, который и привёл наших героев в сие печальное место.

Вот и возвратился сторож Прохор, сопровождаемый двумя мужиками и... как бы так высказаться? Ну, Бог с ним, пусть будет так – сторож с тремя мужиками. Хоть тот, третий, был не понятно на кого, либо на что, похож.

Он был настолько худ, что впору назвать его тощим. Растрёпанные космы на голове неприметным образом переходили в такую же растрёпанную бородищу, спрятавшую дыру с тремя зубами, которая оказалась ртом. Надетые на него лохмотья по непонятной причине не рассыпались от ветра, оттого и позволяли увидеть людской скелет, в некоторых местах обёрнутый в человечесью кожу. Обут он был в один левый башмак, но начищенный до зеркального блеска.

В общем-то, описать этого юродивого, оказалось делом не таким уж трудным. А как описать его глаза – я просто не знаю.

Во-первых, они были не реальной, не натуральной синевы. Уж коли дитя заберётся в мастерскую к художнику и примется малевать, бездумно смешивая колеры в любом порядке, то и он, вряд ли, в своей бессознательной шалости, сумеет создать подобный колер, схожий с окрасом его глаз.

Но причудливая синева его зрачков отходила на второй план по поразительности. На первом было их быстроменяющееся выражение. Вот верите, я не могу придумать никакого сравнения. Хотя постараюсь таким манером – вам хорошо знакома дамская ручка? Безусловно, я даром подобное вопрошаю, но иного способа сравнить не нахожу. Итак – дамская ручка. То бишь – ладонь. Тонкие и нежные пальчики, кои мы, мужчины, не раз и не сто раз целовали. Мягкая и душистая ладошка, изумительно перетекающая в тонкое запястье – представили? Теперь же потрудитесь представить иное – некая дама протягивает вам ручку для поцелуя. Вы склоняетесь над оной в предвкушении наслаждения и... наталкиваетесь на здоровенный, сурово сжатый кулак! Не дамский кулачок, а кулак молотобойца! Что вы сотворите, увидав подобную метаморфозу? Отпрянете, наверняка вы отпрянете! И в тот же миг видите перед собой снова ту дамскую ладошку, которую вы вознамерились поцеловать. Потрудитесь, подобное представить, и поменять, разумеется, мысленно, дамскую ручку и глаза того, кто пришёл третьим со сторожем. Они, я о глазах говорю, менялись от равнодушных до убийственно небезопасных, за две-три секунды. При том, что выражение лица... я теперь и не уверен, что у того лица было хоть какое-то описуемое выражение.

Как надлежало поступить – счесть таковое дурным предзнаменованием, либо вовсе на оное не обращать внимания? Ответа не было ни у меня, ни у наших героев.

– И кто это? И отчего в одном... Прохор, ежели есть надобность, то я отдам ему пару ещё хороших башмаков. Ну, что же он так-то?

– А вы на то не гладите, ваше благородие Францевич, у него обувки-то поболее будет, чем у меня. Да только нет никакой силы заставить его надеть второй башмак. Никак не хочет, шельма! А так – тихий он, словно блаженный. Как кликать его – никто не ведает. Отзывается на любое имя, которое начинается на «С». Сегодня он Серафим, вчерась был Стёпкой, а завтра – Бог весть! А так – тихий. А вы, звиняюсь, по какой такой нужде к нам? Помер кто?

– Я уж говорил, что дело у меня важное. Вон, видишь, господ сидят? Из самой столицы примчались по делу, что в Ведищевском Логе происходило, припоминаешь? Вот им и надо, что одного покойничка достать, то есть – откопать и предоставить им для обозрения. Видать, Прохор, не пустяшное дело-то, раз из столицы такие чины приехали покойничку осмотр произвести.

– Так, это, никак, ваше благородие Францевич, не возможно-с. Только по бумаге, по дозволу, то есть, от нашего... Вы не сердчайте, но такое нам правило установили, и мы...

– Прохор, Прохор, это я! Ты меня не узнал? Какое правило? Сколько за четырнадцать лет, что ты тут сторожем, было откапываний покойников? Припоминаешь?

– Так... ни одного и не было.

– А раз не было, то на каком основании были установлены правила? Правила о том, – искусно начал декламировать гоф-медик, попутно чертя перстом слова по воздуху, – чего ещё никогда и нигде не было и, вероятно, никогда не случится! Прохор, не смехи!

– Так-то, оно, так, ваше благородие Францевич, но...

Разговор принялся бессмысленно вертеться, словно детская юла. Надо было что-то делать. (Продумывать всё в подробностях, вот что делать! Ой, извините, вырвалось!). На помощь Карлу Францевичу поспешил Модест Павлович.

– Братец! Прохор, верно? Подойди-ка. Послушай меня со всем старанием, на которое ты способен. Сейчас ты отведёшь нас к могиле, о которой скажет Карл Францевич. Ты прикажешь своим копателям, дабы они выполнили то, о чём уж было сказано. Я, со своей стороны, по окончании осмотра даю вам по пяти рублёв каждому. И вашему Сильвестру дам столько же. Ты можешь продолжать талдычить про какое-то правило. Я соглашусь и поеду за разрешительной бумагой. Однако вернусь уже с околоточным. Только в этом разе, ты выкопаешь покойничка самолично!

– И бесплатно! – Важно откинувшись на спинку сидения, проговорил Кирилл Антонович.

– И бесплатно! Что ты решил?

– Так-то, оно, так, да... оно... как-то не по-христиански... откапывать-то.

– Ах ты, чёртова кукла! – Помещик изобразил благородный гнев столичного чиновника. – А закапывать покойника не под именем на кресте, а под номером – сие, стало быть, по-христиански?

– Так... я... чего... ваше благородие Францевич, кого откапывать-то?

– Так-то лучше!

Гоф-медик подошёл к сидящим в пролётке друзьям!

– Господа, будь мы не на погосте, право слово, раздался бы гром аплодисментов! Браво! Вы были неподражаемы! Я бы проиграл пари, ежели бы составил его на то, что вы не сумеете выйти с победой из сего разговора. Я начал продумывать уж повесить им назначенную вами плату, но вы всё провернули блестяще! Этот Прохор, доложу я вам, на редкость тяготный человек, но, вместе с тем, добрейший. А вам – браво! И так – идём к могиле?

– Да, и поскорее. А за похвалу – премного благодарны!

Тем переговоры и завершились. Слава Богу, «совсем не похоронная процессия», как окрестил её Кирилл Антонович, двинулась вглубь кладбища.

Ожидая не столь неприятное, сколь отвратительное действие, помещик требовал от себя не помышлять о предстоящем, принуждая свой рассудок отвлекаться на созерцание окружающего могильного разнообразия.

По мере удаления от кладбищенских ворот ухоженность, даже некая опрятность сего места, постепенно превращалась в заросли, напрочь позабывшие вид, и саму надобность, уборщика.

Но, таковые окружающие красоты никоим образом не настраивали на отвлечённость помыслов, а лишь усугубляли ожидание малоприятного. Оттого Кирилла Антонович глубоко, и не раз, вздыхал.

Модест же Павлович, шедший на пару шагов спереди, думал в те самые мгновения про то, что было бы недурно отобедать.

Наконец процессия остановилась. Сторож, обращаясь к гоф-медику, сказал с явным разочарованием в голосе, словно по принуждению выдавал место сокрытия клада.

– Ну, ваше благородие Францевич, тут, стало быть, оне.

– Припомни, Прохор, – ответствовал Карл Францевич, – а где схоронен тот, который... с ушибом темени и не свежий? Я тебе про него сказывал.

– Тот... ну, помню-помню. Его могилка с самого края этого ряда. Нумер на ей сто пятый «Н».

– Вот её-то мы вскроем. Распорядись, Прохор!

Копатель, получивший наказ, вонзил свой инструмент в холм, перекрестился, поплевал на ладони и принялся откидывать земельку в сторонку.

Остальным только и оставалось, что набраться терпения, да скучать, ожидая конца работы.

Кирилла Антонович уж собрался сказать сторожу, чтобы он кликнул ещё хотя бы одного копателя, но...

– Есть рок, а человека-то – нету!

Сии слова донеслись откуда-то слева, из-за кустов.

– Есть рок, а человека-то – нету!

На сей раз прозвучало подобное уж прямо перед господами.

Походкой, да и не походкой вовсе, а каким-то судорожным шагом, словно у тряпичной куклы, вышел на открытое место тот самый блаженный в одном башмаке.

Несуразно подёргивая руками и повторяя ту самую фразу снова и снова, он доковылял до порушенного могильного холма и упал пред ним на колени.

– Нет человека-то, нет! – То ли завыл, то ли заскулил блаженный, и принялся собирать раскиданную копателем земельку.

Однако каждое последующее движение становилось всё злее и злее, а голос приобретал в своём звучании нечто звериное.

Никто из господ не шевелился, а лишь созерцал. Да и то, что созерцать-то доводилось лишь его спину, лицом он был обращён к копателю.

Вдруг могильщик отбросил лопату, провёл ладонью по лицу и скоро отошёл на несколько шагов. «Спаси и сохрани!» – запричитал он и принялся яростно осенять себя крестным знаменем, словно увидел наяву исчадие ада.

А он, блаженный, откликавшийся на имя с буковицы «С», во всей своей очевидности таковым и являлся.

Перевалившись через могильный холм, ещё не до конца разбросанный копателем, он оказался своим лицом перед лицами господ, застывшими от непонимания такового действия.

– Не трожь, он – мой! Есть рок, а человека – нету! Иных бери, а он – мой! Не трожь!

А далее и вовсе пошло страшное!

Блаженный зарычал, оглядывая присутствовавших, схватил горсть землицы, и запихнул ее себе в рот.

Он ел землю с могилы, не переставая собирать в кучу то, что порушил копатель и с рыком вещать о «роке», который есть.

А после... он зарыдал. Да так жалобно, словно по-волчьи, что от подобного помещика передёрнуло и бросило в озноб.

Но блаженный плачем не уgomонился. Слёзы скатывались по его щекам таким потоком, что смешиваясь на его бороде со слюною, землицей и, невесть откуда взявшейся кровью, стекали по его рубищу, оставляя грязные полосы.

– Не дам! Он – мой! Не трожь – прокляну! Есть рок, а человека – нету! Горе, ой горе! Мой он, мой! Не дам!

Блаженный утёрся рукавом, размазав по лицу всю ту жижу, что стекала по нему, вновь набрал полон рот земли и сказал, оборотясь к копателю.

– А тебя-то я вижу! – Опосля чего принялся засыпать землю себе за ворот, окропляя ее слезьми, слюною и кровью.

Ежели из отропи, в которой оказались пришедшие к могилам безвестных старцев, кому-либо судилось возвернуться в обыденное состояние духа, то это был копатель.

– Делайте, что хотите, но я сюды – боле не ногой! Пропади оно....

И стремглав убёг.

Сии слова отвлекли господ от созерцания сей отвратительной сцены, и они переглянулись.

– Я могу успокоить... этого, – тихо, но с твёрдостью в словах проговорил штаб-ротмистр.

– Что-то мне подсказывает, что нам следует прекратить это... это всё. И удалиться! Вы со мною согласны?

Интересно, а кто бы возжелал бы продолжить сию эксгумацию после всего увиденного?

Та самая процессия направилась в обратный путь. Сторожа Прохора про меж них не было.

ТУМАН.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОТ И НАЧАЛО. ТОЛЬКО ЧЕГО?

«Ежели сие, суть, цветочки, то опасуюсь и представить, каковыми окажутся ягодки».

(По слухам, сии слова произнесены Кириллой Антоновичем Ляцких, потомственным дворянином).

Некстати заморосил дождь. Именно таковой из множества дождей, которые неожиданны среди ясного неба и, оттого, нудны.

Прохор, сторож, так и не объявился и потому укрываться от дождя в сторожке никто из господ не стал. Обосновались под малым навесом над самим крыльцом. Извозчик поднял полог пролётки.

– И что..., – Кирилла Антонович начал было бодро говорить, однако осёкся, вспомнив о присутствии гоф-медика, который был не то, что и самую малость, а и вовсе не посвящённым в истинные причины поступков друзей.

– И что мы станем делать далее? – Наконец-то вымолвил помещик, не оставляя надежды на то, что его заминку верно истолкует штаб-ротмистр.

– Что делать..., – равнодушно повторил Модест Павлович и зябко передёрнул плечами. – Знаете, что-то у меня, вот тут, – он постучал перстами себя по лбу, – не позволяет мыслям сложиться в определённую. Оттого и не имею ответа на ваш вопрос. Хотя... можете принять это, как вероятный намёк. Прямо сейчас я бы отправился туда, где всё и началось. В Ведищевский Лог.

– Господа, принимая во внимание то обстоятельство, что я оказался невольным свидетелем этого....

– Балагана! – Радостно подсказал Модест Павлович. Видать по всему, что мысль его, таки, сложилась.

– Я, пожалуй, поддержу вашу подсказку, – продолжил Карл Францевич, – и выскажусь кратко, насколько смогу. Вольно, либо невольно, но я стал соучастником в разбирательстве некоего дела, ради которого вы, господа, прибыли сюда. Кроме того, сей балаган, как изволил выразиться Модест Павлович, пробудил во мне живейший интерес к тому, чем вы, господа, занимаетесь. И потому я осмеливаюсь просить вас принять меня в свою компанию. Вот тут, – гоф-медик обвёл рукою добрую половину мира, – мне многое знакомо. Со многим людям я свёл знакомства и, осмеливаюсь надеяться, смогу оказаться вам весьма и весьма полезным. Хотелось бы напомнить, что войну я знаю не по рассказам моих пациентов, а по личному участию. Да, и медик вам бы пригодился. Знаете, лишняя пара рук, и все мои знания обузой для вас никак не станут.

– А как же ваша лечебница?

– Никита, мой фельдшер, вполне управится и без меня какое-то время. Да, и не вечность я собираюсь отсутствовать. Даст Бог, завтра к вечеру мы возвратимся. Ну, что, господа, принимаете ли вы меня?

– Что скажете, Модест Павлович? – Помещик сизнова постарался, поигрывая голосом, привлечь особое внимание друга.

– Теперь, вот, это словцо «балаган», ну никак не выгнать из головы! – Сокрушённо ответил штаб-ротмистр.

– Я вас о чём-то спросил, вы не услышали меня?

– Разумеется, услышал! Лично я буду тому только рад! И предлагаю ехать скорее, уж и вечереть начинает.

– Тогда – по рукам! Садимся в пролётку – и с Богом!

– Нет, погодите одну минуту, – гоф-медик скорым шагом вошёл в сторожку, чем-то там громыхнул раз, потом другой, а после и вышел. На согнутой руке у него висел плащ, имевший явное сходство с изделием Чарльза Макинтоша, только с капюшоном.

– Сдаётся мне, что так скоро, как нам того хотелось бы, сей дождь не прекратится, а сырость для моего ишиаса не лучший попутчик. Прошу! – Карл Францевич вытянул руку в сторону пролётки.

Уселись скоро и удобно – помещик, и штаб-ротмистр в пролётке под откидным пологом, а Карл Францевич на облучке с извозчиком. Не менее скорым был и отъезд от сего скорбного места. Из-за того, что сыпал малоприятный дождь, а может оттого, что совсем недавно довелось пережить некое тревожение – кто ведает. Только в ином душевном состоянии друзья, а на сие я возлагаю большие надежды, увидели бы сторожа Прохора, притаившегося за сросшимися берёзами в двух десятках саженой от кладбищенских ворот. Пристально поглядывая на отъезжающую пролётку, сторож вовсе не имел на лице избавительного выражения – мол, и, слава Богу, что уехали. Напротив, выражение прочитывалось как раздражение и злоба.

Дорога была не близкой, но и не далёкой. Понимание дальности имело зависимость не только от резвости мерина-трёхлетки, а и от общего разговора промеж попутчиков.

Только беседа никак не ладилась. Первые душевные порывы после увиденного уж схлынули, словно волна от берега, оставив только небольшую нервную дрожь и несобранность мыслей.

Дорога вилась по полям, временами через небольшие рощицы, а то и вдоль края леса. Одна природная картина сменяла предыдущую, один миг времени появлялся на месте ушедшего, а беседа, промеж нашей троицы, так и не завязывалась.

Когда край солнечного круга коснулся горизонта, пролётка въехала в Ведищевский лес.

Проехав не менее версты извозчик, отчего-то, резко остановил коня и толкнул молчащего гоф-медика в бок.

– Погляди, господин доктор, чего это тут?

В лесу, как многим ведомо, сумерки сгущаются скорее, нежели в поле, но и тех остатков дневного света было довольно на то, чтоб разглядеть сие дивное место, у которого остановил пролётку извозчик.

Вдоль накатанной дороги, петлявшей между деревьев, и в глубину леса, по обеим сторонам от оной, насколько хватало взора, наши герои увидели белые тряпицы, во множестве повязанные на ветви.

Их было настолько много числом, и повязаны они были так высоко от земли, что не то, чтобы дать понятное толкование, но и выдумать любое, самое вздорное объяснение, никак не выходило.

В полном молчании наши герои глядели по сторонам. Некоторые тряпицы, которые оказались ближе остальных к пролётке, и вовсе были схожи с лоскутами окровавленных бинтов. Словно сушили перевязочные бинты у полевого лазарета. Но, и при подобном объяснении всё выглядело зловеще. И опасно.

И вот вам странность – непонимание сути увиденного не позволяло нашим попутчикам хоть что-либо предпринять. Вся четвёрка просто застыла, позволив двигаться только глазам. Дождь не унимался.

Первым подал голос гоф-медик.

– Никодим, – обратился он к извозчику шёпотом, – ранее ты нечто подобное видал?

– На этой дороге? – Так же шёпотом отвечивал извозчик.

– Где угодно! Видал? Что это означает? И... кто?

– Ничего не ведаю .... Подобного... ни разу. Спаси, Господи, мою душу грешную! – Накладывая на себя крестные знамения, Никодим не переставал вертеть головой.

– Господа, – уж совсем не таясь, сказал штаб-ротмистр, – надобно ехать. И скорее! Чем дольше стоим, тем... ехай, Никодим, ехай!

– Погоди!

Карл Францевич снял с себя парусиновый макинтош и набросил его на плечи извозчика.

– Дождь усиливается. Господа, не найдётся ли и для меня местечка?

– Разумеется!

Наконец пролётка тронулась, набирая быстроту езды. Извозчик в макинтоше на облучке, господа в пролётке под навесом. Есть ли надобность говорить о тех мыслях, кои во множестве роились в головах попутчиков? Наверное, нет надобности, ибо каждый думал о своём.

О своём-то, о своём, да кое-что было и общее. И было то мало угодное Богу событие кое, в достаточной мере, наполнило ещё не закончившийся день. При том, что попутчики намеревались не вглядываться в окружавший их лес. И по понятным причинам.

Меж тем, дождь припустил сильнее. Всё чаще на этой лесной дороге попадались лужи, в которые с брызгами ударяли конские копыта. Лес принялся наполняться своими собственными звуками, которые в обычай случаются во время дождя и при уходящем на покой дневном светиле.

Тут и появился новый звук, не привычный, и не лесной по своей природе. Почти громом он раскатился откуда-то... слева. Нет, вовсе не по левую руку, а по правую... скорее всего по правую... хотя ....

Кирилл Антонович от неожиданности сжался, а в его голове скорее бегущего зайца замелькали предположения о том, что породило сей звук. «Сломалась ветка? Нет, для ветки звук тихий. Большая ветка? Нет, не то – не слышать падения. Дерево упало? Нет, отвод для подобной гипотезы таков, как и для ветки. Что ещё может грохотать в лесу?»

Карл Францевич, от полнейшей неподготовленности к посторонним шумам, лишь прислушался, то ли опасаясь повторения, то ли прикидывая, не задержит ли сей звук их поездку? Уж очень не желательно было останавливаться в этом лесу с развешанными тряпицами, сгущавшимися сумерками, неприветливым дождиком и... ишиас, знаете ли.

И только Модест Павлович тот час определился, что звук происходил от ружейного выстрела, раздавшегося прямо по направлению движения и немного правее. И был уж готов план на случай возможного повторения стрельбы, однако все размышления, прикидки и стратегические уловки прервал извозчик, с пяток секунд, ехавший после выстрела (а в том, что то был выстрел, уже никто не сомневался), а потом снопом рухнувший на руки к господам.

Почувяв ослабленные поводья, жеребец метнулся вправо, затем влево и, отчего-то, остановился.

– Что... это? – Заикаясь от неожиданности, спросил помещик.

– Это, господа, пуля, вот, что это! Кирилл Антонович, придерживайте возницу! Карл Францевич, сможете ему помочь? Из-под навеса не высовываться! Держитесь!

Слова, а по сути, и не слова вовсе, а настоящие воинские приказы отдавал штаб-ротмистр, аккуратно высвобождаясь из-под упавшего на него извозчика, и скоро, но с прежнею предосторожностью, вышел из пролётки на дорогу. Каков же молодец, этот Модест Павлович! Всё понял и нисколько не растерялся! Нет, право слово, молодец и есть!

Отыскав спавшие вожжи, штаб-ротмистр хлестнул ими по крупу жеребца и, крепко ухватившись за левую оглоблю, принялся толкать пролётку, давая понять молодому четверононому спасителю (а теперь именно так – спасителю), что не время просто так стоять, изображая из себя мишень. Надлежит быстрёхонько уезжать из сего опасного места. И из сего опасного леса. И в голос сказал те же слова, только несколько короче.

– Но-о-о!

Пролётка тронулась. Вот уж быстрее, быстрее, быстрее .... Не отпуская оглоблю Модест Павлович уже еле поспевает за жеребцом. А тот норovit наддать быстроты бега.

Применив старый воинский приём, когда надлежит, сопровождая скачущего коня, ступать в беге точно так, какой манерой ступает конь, будь то лёгкая рысь, либо иноходь. Двигаясь, одинаковым с конём шагом, человек и устаёт менее обычного, да и конь, помимо его конской воли, принаравливается, с позволения сказать, к попутчику.

Так же двигался и Модест Павлович. А жеребец, не до конца понимающий, чего от него хотят, принялся сбиваться с наезженной колеи, отчего штаб-ротмистру доводилось без разбору ступать в лужи, либо и вовсе сходить, прошу прощения, сбегать с дороги на поросшую жёстким кустарником обочину. Предательски выплывающие из сумрака деревья, в отличие от кустов, не царапали, а преобольно ударяли то в плечо, то по колену.

Но отвлекаться на подобное было совсем некстати. Штаб-ротмистр думал лишь такое – «дыхание, шаг-шаг-шаг, дыхание, шаг-шаг-шаг». И только единожды он, оглянувшись, крикнул, вопрошая лейб-медика.

– Что... там... с возницей?

– Мёртв, – крикнул в ответ Карл Францевич, – пуля, как вы и сказали, в правое... после расскажу, – уже тише проговорил лейб-медик. Но для верности крикнул ещё раз, – мёртв!

Сколь много времени бёг по лесу Модест Павлович и тряслись в пролётке Кирилла Антонович и Карл Францевич? Кто ведаёт .... Суевливно свалившиеся на наших героев дневные треволения напрочь отсекали ощущения времени. Даже давши суровую клятву, а то и под строжайшей присягой никто из господ не поведал бы с точностью, пусть и до пары минут, как долго они пребывали в лесу. Пять минут? Целый час? Кто ведаёт .... Как верно подметил помещик, что «страх вытесняет ощущения, а душевная напряжённость сводит на нет все привычные земные мерилы – стыд, умеренность, благородство и самоё время». Не стану даже помышлять про то, что какой-то некто станет несогласным с таким высказыванием.

Однако, возвращаясь к нашему повествованию, отмечу то, что про себя отметили и наши герои – лес начал редеть и светлеть, кусты становились всё реже и ниже, отступая всё дальше от дороги. Разумеется, то, что было принято господами, как просветление, на самом деле таким не являлось. Просто лес действительно начал редеть. И заканчиваться.

Вот и стали приближаться первые дома, крепко усевшиеся на околице. Вот и шире и, как ни странно, твёрже становилась дорога. Вот и жеребец, почуяв жилое место, припустил резвее. Но пришлось остановиться.

– Ну... Карл Фран... вич, – еле переводя дух и, оттого проглатывая некоторые буковки, спросил штаб-ротмистр, отпустивши оглоблю и, наклоняясь вперёд, опёрся руками в колени, – куда ... знаете тут... нам куда?

– Модест Павлович, дорогой вы мой, забирайтесь к нам, Передохните малость, вы уж совсем умаялись! Судя по всему, мы уж прибыли в этот чёртов Лог. Я так думаю.

– Кирилла Антонович, вот станем... на постой, ежели таковой отыщется, тогда... и передохнём, – отвечивал штаб-ротмистр, заметно успокоивший своё дыхание. – Отвык, господа, от таких вот... отвык. Надобно сызнова упражнениями... надобно!

– Я скверно разбираю в темноте дорогу, – вступил в разговор гоф-медик, – но нам нужен тот высокий дом, видите? Такая у него островерхая крыша, видите? Так проживает общинный староста, он же поселковый голова. Я имею с ним знакомство. Думаю, он нас и приютит.

– Тогда – тронулись!

Всё повторилось, как и десять минут тому, только не по лесу, а по селению. Модест Павлович вёл коня, придерживаясь за оглоблю, а в пролётке, озираясь по сторонам, сидели помещик и гоф-медик. Третьим был убиенный извозчик, упокой, Господи, его душу грешную.

Доехали до дома скоро. На стук в окно, кое выходило, с тремя такими же окнами с резными наличниками, на широкую и главную улицу, откликнулись сразу же, словно гостей о такую пору дожидались.

– Свои? Пришлые? – Раздался за воротами скрипучий голос. Калитка отворилась, явив господам высокого старца с керосиновой лампой.

– По какой надобности?

– А зачем ворота открыли, ежели не дождались от нас ответа? Не опасаетесь лихих людей? – Спросил Модест Павлович, оказавшись ближе остальных у ворот.

– Что Бог посылает, того бояться не след. Кто такие?

– Доброго здоровьица, Митрофан Заведеевич! – Обходя пролётку не со стороны коня, поздоровался Карл Францевич.

«Заведеевич? До такой меры тут в почёте Библия?» – подумал про себя Кирилла Антонович, спускаясь на землю с той поспешностью, которая оправдывала нежелание более находиться рядом с покойником, от какой бы благородной причины он не стал трупом.

– И вам здравствовать на многие лета, доктор Францевич. И вы, стало быть, к нам пожаловали? Рад этому, рад! Проходите в дом!

«Доктор Францевич? То, что часто повторяется, не может быть случаем, а оттого сие мне не по нраву», – подумал про себя Модест Павлович, а в голос добавил.

– У нас по дороге скорбное дело приключилось. Скорбное и опасное. Нашего извозчика подстрелили. Могли бы вы распорядиться насчёт его тела?

С этого мига радушие хозяина сошло на нет. Став деловым и подвижным, он оглядел, поверхностно, разумеется, тело бедолаги, что-то буркнул себе под нос и, указав приезжим на дом, удалился. На приветствие помещика не ответствовал.

В доме, куда зашли наши герои, было чисто, просторно и свежо. Необходимая, но не более того, утварь была расставлена и развешена продуманно. Икона в углу ничем не была завешена, половицы не скрипели, будучи прикрытыми домоткаными дорожками, вокруг большого стола с двумя лавками. Всё было по-домашнему уютно.

Хозяин отсутствовал уже около часа. Во всяком разе так показалось гостям.

Замест него в комнате появились, невесть откуда взявшиеся две женщины. Судя по их виду и расторопности, то были жена евоная с дочерью.

Тут же на столе принялись уютно располагаться свежие огурчики, отварная картошка, сыр, видимо овечий, зелёный лук, хлеб и запотевший жбан кваса. Вскорости запыхтел самовар.

Бабы, простите великодушно, дамы сновали по дому шустро, бесшумно и в полном молчании. На приветствия трёх мужчин ответствовали поклонами и не более того.

И ровно за миг до того, как в дом вошёл хозяин, они испарились тем же макарком, как и явили себя столь поздним гостям.

Митрофан Заведеевич остановился в дверях, внимательно оглядел приезжих, стол с яствами, перекрестился на икону и жестом пригласил всех присесть.

– Смените одёжку, – сие было сказано штаб-ротмистру, который с удивлением увидел стопкой сложенное платье. Модест Павлович, по примеру гоф-медика, был уж готов составить пари про то, что ещё совсем недавно на скамье ничего не лежало! А сейчас .... Диво, да и только!

Когда все расселись за столом, хозяин спросил, глядя только на Карла Францевича.

– Кто?

Таковой вопросец, обращённый к помещику, либо к штаб-ротмистру, некоим образом поставил бы их в слегка затруднительное положение. Но гоф-медик, видимо водивший знакомство с тутошним гостеприимством и способом общения, стал ответчиком, на сей вопрос, без задержки. Мало того, Карл Францевич преотлично понимал, что именно составляет интерес Митрофана Заведеевича, вложенный в короткое словцо «кто».

Карл Францевич подобно цапле вытянул шею, сдвинул перстами переносицу и принялся рассказывать.

Нет, вы, мои уважаемые читатели, должным образом обязаны отделаться от помышления, что гоф-медик, словно низший по чину, отчитывался перед Митрофаном Заведеевичем дабы не только дать полное толкование по полученному вопросу, а ещё и загладить некую свою провину. Уверяю вас, ни в коем разе! Такое вступительное поведение, да и последующая обстоятельность рассказа, продиктованы исключительно старанием донести до вопрошающего истинную подноготную случившегося.

Ответствовал гоф-медик долго. Упомянул имена и прозвища, ничего не говорившие нашим друзьям, заставлял хозяина то с удивлением поднимать брови, то сурово сдвигать их. Истерика на могиле неведомого старца, тряпицы на ветвях деревьев в лесу, исчезновение кладбищенского сторожа при их отбытии – всё так подробно и излагал Карл Францевич.

– Благодарствуйте, доктор Францевич! Поведали вы мне всё толково, про то я ещё подумаю. А вас, господа попутчики, я поспрошаю с утра. А пока не побрезгуйте угощением, что нам Бог послал. Сам я до вина не охотник, а вы выпивайте, вам не помешает. Переживаний, что выпали вам на день, иному и на год не станет. Так что, кушайте, отдыхайте, да про Бога не забывайте!

Ну, поди, ж ты, чудеса, да и только! Стоило хозяину замолкнуть, как тут же появилась женщина, та, что постарше, и поставила стеклянную четверть промеж гостей. И испарилась.

Таковой был уклад в доме старосты. На доброе ли таковое, на худое ли – кто ведаёт? В чужой монастырь, сами знаете – ни-ни! А посему поведал я вам про таковой уклад лишь для ознакомления, случись вам попасть в те края. Ничему не удивляйтесь и не вопрошайте ни про что, а принимайте так, как у них заведено.

На том тот день и закончился.

Утром наших друзей поднял Карл Францевич. Извиняясь за раннюю побудку, сообщил, что сегодня же, ещё засветло, ему надобно быть в лечебнице и, ежели господа успеют завершить всё то, ради чего они прибыли в Лог, да и пожелают уехать с ним, то он с радостью примет их за компаньонов в обратной дороге. Стало быть, продолжил гоф-медик, им следует поторопиться.

Наскоро совершив утренний туалет и перекусив, наши герои отправились оглядеть селение, дабы составить своё представление о месте, в котором разыгралась трагедия.

Странности, пусть и малые, но всё же странности, начались с первых минут прогулки.

Довольно хорошо ориентировавшийся в переплетении улиц сего селения, Карл Францевич высказал при том полнейшую неосведомлённость в тех событиях, кои тут творились. Кузнец? Да-да-да, припоминаю, тут был кузнец, наложивший на себя руки. Да, именно так, его, висельника, не могли найти, почитай, половину года. А в подобных селениях кузнецкое место пусто не бывает, вот и объявился тут новый мастер молота и мехов.

Да, продолжал Карл Францевич, припоминаю нечто про то, что он поставил новую кузню, про такое мне говорили поселенцы, посещавшие лечебницу по надобности оздоровления, либо для посещения страждущих. Но, более ничего такого, что могло бы стать в интересе для господ-помещиков в первую голову. Отстрелили кузнецовой жене правицу? Сынок их Мишутка принялся чудесами баловаться, да народ мутить? Сие уж и не шутка вовсе, а какой-то скверный водевиль! Ни о чём таком я не слыхивал! А поселенцы, доложу я вам, охочи к разговорам и пересудам, которыми и изводят меня во время посещения.

– Знаете, что, – сказал гоф-медик, предлагая завершить сей разговор, – возвращаемся обратно к дому Митрофана Заведеевича, он вам и даст на всё ответ. Я могу чего-то и не знать... Да, как же я могу не знать-то? Невероятно! Я могу не знать в подробностях о тутошних делах, но слух до меня долетел бы непременно! Нет, пропустить такое никак не воз-

можно-с! О! Вот, сами полюбуйтесь! Вот вам и жена кузнецова, Ольга, и с Мишуткой в придачу!

И в самом деле, по улице, не доходя до наших господ домов эдак, семь-восемь, шла женщина, нёсшая котомку, накрытую полотном. Рядом с ней шёл, как бы его описать? Ещё не юноша, но уж и не подросток, однако успевший побывать на слуху у друзей помещиков не токмо, как странный, но и страшный, по своему, Мишутка.

У женщины обе руки были целы, а парнишка... был как парнишка.

Карл Францевич призывно помахал кузнецовой жене рукою. Однако, вместо того, чтобы направиться к призывающим её господам, эта пара скорёхонько повернула направо и, почти что бегом, забежала в чей-то двор. Громко хлопнула калитка.

Непонимание, которое оставила после себя таковая выходка, была понята каждым по-своему.

– А вам тут не рады, – не понятно, ради какой-нибудь надобности отпустил шутку Модест Павлович. И добавил, – что-то здесь всё-таки происходит.

– Либо начинает происходить, – в высшей мере задумчиво проговорил Кирилла Антонович и, не произнеся ничего более, поворотил свои стопы к дому поселкового головы.

Остальным пришлось присоединиться.

Штаб-ротмистр прекрасно понимал, что творилось в голове его друга, и никаких разъяснений не просил. Видать, он точно знал, что скоро их получит.

Чего нельзя было сказать про Карла Францевича. Острейшее любопытство, распиравшее его изнутри, с величайшим трудом удерживалось благородством и воспитанием. Именно благодаря вышеупомянутым качествам один из людских пороков был благополучно изменён на человеческую добродетель. На терпение. Но, как оказалось, не полностью. Один вопросец всё же вырвался на свободу.

– Что, осмелюсь спросить, вы имели в виду, произнося подобное?

– Овцы сами не стригутся. Их остригает овчар, и только в то время, которое сочтёт более, для подобного действия, подходящим.

Ответ помещика скорее походил на позабытую притчу, нежели на ответ человека, понимающего суть происходящего. Однако то ли таковой ответ устраивал гоф-медика, либо был полностью ему непонятен, но обратная дорога к гостеприимному дому прошла в молчании.

ТУМАН.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВАМ МАЛО ЗАГАДОК? ИЗВОЛЬТЕ, ВОТ ВАМ ЕЩЁ!

Так, для стороннего наблюдателя, поведение Кириллы Антоновича, вернувшегося сотоварищи в дом поселкового головы, было более чем непонятно.

Его решимость прекратить прогулку и осмотр Великоважского Лога, сразу после встречи с кузнецовой женой, превратилось в, с позволения сказать, монументальное молчание и, в не менее мощную задумчивость.

Само собою случившееся лидерство в троице наших героев, оставило последних двоих обескураженными перед очевидной надобностью совершать последующие действия, и перед непробиваемой стеной само уединения, коей отгородился от мира новоявленный командир малого отряда.

Перед ожидающими Модестом Павловичем и Карлом Францевичем помещик, словно сомнамбула, вышагивал по дому, иногда подходя к окошку и пробуя перстом стекло. А после сызнава приступал к хождению. Безмолвие никем не нарушалось.

Гоф-медик, не ознакомленный со сложнейшей конструкцией ума философствующего помещика, сохранял вежливое молчание человека, который вот-вот обретёт главнейший ответ на свой мучительный вопрос.

Штаб-ротмистр, напротив, понимал, что его друга беспокоило, и что ввело его в таковое состояние нечто такое, что сам Модест Павлович, попросту упустил их виду притом, что неотрывно находился при своём друге и видел собственными глазами всё то, что видели остальные.

Только вот Кирилла Антонович, поражённый открывшимся, только ему одному откровением, старался побороть два равно означенных, но противу полярных предположения. Первое было таковое, что вот запросто, ну прямо из воздуха, к нему пришло натуральное объяснение того, что происходило в Логе. Второе же говорило о том, что как только помещик примет первое объяснение за правдивое, и совершит попытку озвучить его друзьям, то в тот же час он признан, в лучшем случае убогим, либо блаженным, а в худшем будет помещён в скорбный дом по причине лишения ума.

А ещё помещику остро недоставало зеркала, коего, в сём доме, не наблюдалось вовсе. Но, мы-то, с вами, разумеем, что в действительности ему хотелось увидеть своё отражение. Именно отражение, однажды давшее полезные подсказки.

Думаю, что мне стоило бы принести извинения за столь долгое отступление. Однако задумайтесь, какого времени вам было бы достаточно, чтобы прийти в себя от таких мыслей и растолковать свою отстранённость после прихода оных. Не сильно погрешу супротив истины, ежели скажу, что иному и дня Божьего для подобного было бы мало. А так, слава Господу, Кирилла Антонович совсем не из таковых, и скорее остальных прочих пришёл в себя, оттого-то моё отступление и не случилось аж на пять страниц.

Возвращение к повествованию станет не таким долгим, как отступление, тем более что новые события не заставили себя долго ожидать. Я же не стану более утруждать вас чтением подобных разглагольствований.

Перемещение помещика по комнате завершилось, на исходе второго получаса ожидания, теми событиями, о которых я и сообщаю.

В первую голову, как-то так вдруг, и совершенно непредумышленно, помещик увидел в оконном стекле своё отражение. Пусть и не чёткое, но увидал! Пусть и не прямое, а чуток глядя наискосок, но увидал то самое, искомое отражение!

Во вторых, обретение Кириллой Антоновичем ожидаемого совпало с возвращением хозяина, Митрофана Заведеевича.

С явственно читаемым сожалением на лице, помещик исполнил четвёртое правило приличия, очень и очень нехотя оторвав свой взор от отражения, повернулся передом к хозяину. Так уж случилось, что воспитание и приличное поведения суть черты неискоренимые.

Митрофан Заведеевич присел к столу и жестом пригласил гостей последовать за ним. Кирилла Антонович поблагодарил за приглашение, однако остался стоять у окошка.

Уже привычно неожиданно появились женщины, принявшиеся накрывать на стол. Рядом с вазочками с вареньем и аппетитными пирогами самодовольно запыхтел самовар.

Снова приглашающий жест хозяина и снова вежливый отказ помещика.

– У вас пост? – Поинтересовался поселковый голова, и взял большую кружку.

– У нас вопрос, – ответил Модест Павлович, уловив сперва просительный взгляд друга, а после и благодарственный кивок головы, за своевременно заданный правильный вопрос.

– Поданное на стол завсегда от Бога, а застольное вопрошание – от дьявола.

– Схоластика хороша в споре, а не в житейском обычае. И вопросы, уважаемый Митрофан Заведеевич, не по прихоти любопытства, а исключительно дела ради. Прошу, Модест Павлович, продолжайте!

Произведя сей выпад, Кирилла Антонович снова оборотился к окну, однако отражение более не проявляло себя. И в другом окошке оно запримечено не было. Оставив подобные попытки в разряде тщетных, помещик сызнова оборотился лицом к столу, оставаясь, при том, стоять.

А разговор, промеж тем, уж начался.

– А что могут означать сии тряпицы, кои мы наблюдали в лесу? Уж вам-то, дорогой наш хозяин, не знать про то не позволительно! Что же то за тряпицы? Откуда они и кто их повязал?

– Вы не имейте сомнений на мой счёт, господа. Я знаю всё, что надобно знать и, даже, сверх того, – ответил Митрофан Заведеевич, отхлёбывая из кружки. – Однако ведать и понимание иметь тут, простите, не водицы испить. Сии вещи не товарки, они порознь ходят. Вот, к примеру – я ведаю, что это за тряпицы такие. У тутошних Герасимцев имеется обычай – на вспомин умерших вывешивать в лесу тряпицы. Лес, по ихнему разумению, навроде цельного Божьего мира, а те тряпицы – души приставившихся. Одну повязали – одну душу припомнили, две – две души, сто – стало быть, цельную сотню душ не позабыли помянуть. Ведаю я про то? Ведаю, и до подробностей. Но, не понимаю того, по какой такой нужде те раскольники ранее на цельную неделю принялись их повязывать? Такого, за мои пять десятков прожитых годков, не случалось ни разу. И дед мой, царствие ему небесное, ни словечком про такое не обмолвился ни разу. Вот, стало быть, и выходит, что я не понимаю того, про что ведаю.

Хозяин отломил кусок пирога, перекрестил, утопил его во рту и принялся медленно жевать.

Тут уж приспичило сказать, что таковая обыденность толкования немного расстроила штаб-ротмистра. Да, и настолько, что он и не принял к вниманию кое-какие слова. А именно «на цельную неделю раньше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.